

ЧЕЛОВЕК

КОТОРЫЙ

УБИЛ

ГИТЛЕРА

А Н О Н И М

ЧЕЛОВѢК КОТОРЫИ

УБИЛ ГИТЛЕРА.

Шанхай.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Гдѣ-то в Рейхѣ должен был быть человек которому предстояло убить Гитлера.

Доктор Карл Моллер остро осознал это когда хорошо начищенные сапоги нацистов заколотили до смерти его жену в канавѣ на Рингштрассе. Именно тогда мелькнула впервые эта дикая мысль.

С Рейхом у него были связаны тяжелыя чувства.

Австрія, погибшая благодаря черной заразы распространившейся из Берлина, уже стала частью Рейха.

Это произошло всего семь дней тому назад.

Привѣтливое лицо Вѣны потемнѣло. На нем вытатуировали свастику. Его затоптали ногами.

Последній крик умирающаго города затерялся в хорѣ голосов рычащих:

— Хэйль!

Здѣсь, гдѣ покорялся старый гордый народ, была смерть.

Там, в криках гитлеровских дѣтей, была жизнь.

Из высокаго окна своего кабинета в штейнгофском санаторіи, доктор Моллер мог видѣть Гитцинг, — старинное предместье Вѣны.

Вокруг главнаго зданія, как грибы среди кустов, были разбросаны маленькіе бѣлые домики, в которых жили больные — дѣти, молодежь, старики. Всѣ они были на попеченіи доктора — ему были ввѣрены их больные разсудки.

Сни жили здѣсь совершенно обособленной жизнью, не зная о том, что дѣлается за стѣнами санаторія, о том, что существует еще один род человѣческаго безумія в этой странѣ.

— Да, это безуміе, — подумал доктор Моллер, — и скоро оно проникнет сюда к нам, и эти... Эти новые безумцы будут издѣваться над нашим искусством... возможно они уже и теперь подозревают меня... —

.....

Размышленія доктора Моллера были прерваны коротким стуком в дверь его звуконепропускаемой комнаты.

Доктор слегка вздрогнул, как вздрагивают люди которых отрывают от их мыслей, и обернулся.

В двери просунулась стриженная голова служителя во всем бѣлом.

— Простите, господин доктор! Пациент Хенрат.

— Ну, что он еще сдѣлал?

— Он снова *пытался убѣжать, господин доктор. Он разбил два окна в капеллѣ, когда мы ловили его.

Доктор Моллер кивнул головой и длинными, тонкими пальцами поскреб щетину на подбородкѣ.

— Да, да, конечно, — сказал он. — Хенрат способен на это. Он ненавидит то, чего боится.

— Дать ему морфія?

— Нѣтъ!

Доктор Моллер вытащил из кармана своего длиннаго накрахмаленнаго халата бумажный платок и медленно вытер им тонкіе стекла очков. Руки его слегка дрожали.

— Не надо пока давать ему ничего успокоительнаго. Может быть мы сумѣем усмирить его без этого.

— Как вам угодно, господин доктор. Есть еще какіе нибудь приказы по палатѣ?

— Спасибо, никаких. Впрочем, пождите! Скажите, как сегодня настроен больничный персонал. Сильно волнуются?

Доктор Моллер тут же пожалѣл о том, что задал этот вопрос.

Служитель выпрямился и на его тол-

стом лицѣ появилось нѣчто вроде улыбки.

— Никакого волненія нѣтъ, — сказал он, — среди свободныхъ людей. Фюреръ вернулся к своему собственному народу и показал нам нашъ настоящий путь!

— Ах! Такъ значитъ уже? Такъ скоро! Да, да... — сказал доктор. — Среди свободныхъ людей!..

— Это все, господин доктор?

— Да!

Дверь безшумно закрылась, при чемъ психіатръ замѣтил, что пока онъ еще не слышалъ здѣсь обычнаго "Хейль Гитлер".

Завтра, можетъ быть черезъ два дня, мирные залы Штейнхофа будутъ звенѣть отъ этого привѣтствія. И только сумасшедшіе пациенты не будутъ знать, что это означаетъ.

Доктор Моллеръ повернулся и подошелъ къ окну. Оно тянуло къ себѣ, какъ тихій голосъ, доступный только его истерзанному разуму.

Много времени тому назад, еще до того какъ ничтожный капралъ вышелъ изъ своихъ траншеи для того, чтобы стать диктаторомъ Гитлеромъ, доктор Моллеръ уже привыкъ смотреть изъ своего окна и наблюдать за новыми пациентами подходившими къ воротамъ.

Иногда они гуляли одни, иногда в сопровожденіи санитаря, но всякій разъ, наблюда-

дая за ними, докторъ почерпывалъ нѣчто новое.

Былъ какой то новый языкъ в ихъ походкѣ, в манерѣ размахивать руками, в этихъ вадернутыхъ кверху подбородкахъ или опущенныхъ ртахъ.

Иногда онъ почти совершенно точно могъ опредѣлить состояніе больного прежде чѣмъ тотъ входилъ къ нему в кабинетъ для осмотра.

Но теперь с этими странными образами было покончено. Оставалось только два, вполне ясныхъ и отчетливыхъ.

Одинъ изъ этихъ людей былъ тотъ самый, котораго много, много лѣтъ тому назадъ докторъ видѣлъ идущимъ по окаймленной деревьями Штейнгофштрассе. Доктор Моллеръ обратилъ на него вниманіе. Человѣкъ этотъ дергалъ тонкіе кончики своихъ длинныхъ усовъ. Вокругъ его рта была замѣтна морщина, сама ставившая діагнозъ:

— Манія преслѣдованія.

Но человѣкъ этотъ не вошелъ в Штейнхофъ. Онъ отправился по направленію къ заросшему плющемъ замку в Шеннбрунскомъ паркѣ и абрисъ его покатыхъ плечей исчезъ среди шумящихъ липъ.

— Этому человѣчку слѣдовало бы быть здѣсь, — сказалъ себѣ тогда доктор Моллеръ. — Его разумъ не в порядкѣ.

Прошло много лѣтъ и доктор Моллер снова увидѣлъ этого человѣка. Он не забылъ его лица, хотя теперь оно нѣсколько измѣнилось благодаря усам, которые были подстрижены ввидѣ короткой черной щетки. Плечи этого человѣка стали казаться выше из-за покроя коричневой рубашки. В одном глазу засверкалъ монокль...

Окно шептало также о Гретѣ, женѣ доктора.

В послѣдній раз он видѣлъ свою жену, когда она весело вышла на прогулку. Ея маленькіе каблучки стучали по камням, как кастаньеты. Она только что завидѣла и на ея тонком, гордом личикѣ сіяла улыбка.

— Куда это ты собралась, дорогая? — спросил он жену, когда она покидала его кабинет.

— На базар! Купить жирнаго поросенка!

— Чепуха! — засмѣялся он. — Ни одна хозяйка не идет на базар напѣвая.

— О, Карл! — отвѣтила она также съ смѣхом. — Мужу никогда не слѣдует знать слишком много о том, что у жены на умѣ. Конечно, я иду за покупками. На Рингштрассе посмотрѣть себѣ шляпу.

— Шляпу? Для весны?

— Да, милый.

— купи себѣ желтую шляпу, — сказал он пожимая ея руку. — Я люблю желтый цвѣтъ. Знаешь, такой свѣжій, как весенніе колокольчики, цвѣтущіе сейчас у нас в саду.

— Я предпочла бы синюю шляпу под цвѣтъ твоихъ глаз, — сказала она поддразнивая его. — Но так и быть, пусть будет желтая!

Она поднялась на цыпочках, похожая на маленькую коричневую птичку и поцѣловала его в шею, около уха.

Потом она ушла.

И никогда больше он уже не увидѣлъ своей Греты.

Она шла по извилистой Рингштрассе и попала в толпу.

Она увидѣла группу мужчин и женщин, которых волокла бѣшеная толпа, рывавшая как море. Она увидѣла в этой толпѣ черныя и коричневыя рубашки. Она увидѣла лица людей своей собственной еврейской расы; тут были испуганные лица и, наоборот, очень упрямые.

Массивные каменные дома возвращали толпѣ эхом ея крик:

— Смерть евреям!

Тогда над этимъ человѣческим потокомъ раздался голос Греты Моллер:

— Неужели эта та самая справедли-

вость, которую Гитлер общал своему народу, когда покидал Австрию? Мы ведь ничего ему не сдѣляли. Мы хотим только мира!

Этот голос, раздавшийся, как слабый звук горна, был все-таки услышан людьми со знаками свастики на рукавах.

— Замолчи жидовка! — сказал один из них. — Ты — дура, если лѣзешь сюда. Лучше бы тебѣ сидѣть дома.

— Дома? — переспросила Грета, к которой неожиданно вернулось спокойствіе. — Я у себя дома!

— Пошла прочь! — сказал тот же человек в коричневой рубашкѣ. Он не привык разговаривать с женщинами и на его юном, розовом лицѣ было написано явное смущеніе. Он только выполнял свой долг.

— Я имѣю право говорить, — мягко возразила она. — Я старше вас. Ваш Гитлер больше не австриец. Ваш Гитлер не может...

— Хэйль Гитлер! — воскликнул юноша.

И так как никто не учил его, как надо умирять людей невоздержанных на язык, он ударил Грету и сшиб на землю.

Вид крови всегда вызывает еще большую жажду ее. Это как искра, как вспышка пороха...

Улыбающаяся Грета Моллер покати-лась в канаву.

Потом ее маленькое тѣло топтали ногами. Она улыбалась до тѣх пор, пока кровь не хлынула у нея из горла и послѣдній удар сапога не заглушил ее голоса навѣки.

Карл Моллер узнал об этом только ночью.

Перед тѣм он провел нѣсколько безумных часов ходя по Рингштрассе из магазина в магазин и спрашивая о дамѣ с карими глазами, которая хотѣла купить желтую шляпу.

Она ушла... ушло и ее тѣло.

Нацисты приказали затолкать его глубже в канаву и засыпать известью. Это лучший способ уничтожить трупы.

А муж Греты, как ариец, стал клейменым человеком.

В тѣ страшные дни доктор Моллер потерял всякій контроль над своей мыслью.

Траура он не носил. То, что произошло с ним, было выше обычного горя требующего своего реального выраженія.

Единственное, что осталось у него, это способность понимать чувства других. Теперь он снова особенно, ясно осознал, на-

сколькo тонка нить отдѣляющая здравый разум от больного.

Его жену убили, а его самого заклеили как преступника, за то что он любил еврейку.

Теперь за ним наблюдали выжидая.

Он был один в Шеннбрунском паркѣ, когда ему впервые пришла мысль о том, что кто нибудѣ должен обязательно убить Гитлера.

Он приходил сюда в парк отдыхать под привѣтливой листвою шелестящих берез и дубов. Здѣсь он мог разговаривать с небом, с молчаливыми тропинками обрамленными зеленью и с ней.

Ушедшіе мертвые императоры Австріи, приказывая посыпать эти тропинки гравіем, может быть переживали такія же душевныя бури. Нигдѣ в мірѣ не было таких прямых красивых и пріятных для прогулки тропинок.

Впрочем доктор знал двѣ тропинки, еще прямѣе чѣм эти.

Одна из них была та, по которой шел Гитлер. Это был путь маніака.

Вторая была путем мрачной рѣшимости: она шла навстрѣчу первой. Эти двѣ

тропинки должны были встрѣтиться.

Иногда скорбный доктор обращал свой ищущій взгляд к бѣлому гребню гор вдали. Как много раз приходил он в Шеннбрун со многими неразрѣшенными проблемами и каждый раз молчаливый вид гор успокаивал его мысли.

Иногда, покинув парк, он шел в капеллу Штейнгофа и преклонял колѣни перед золотым алтарем, пока лучи закатнаго солнца не окрашивали багрянцем высокія окна.

— Такіе измученные умы, как наши, нуждаются в поддержкѣ свыше, — говорил он.

Эта поддержка была сейчас необходима еще больше, чѣм его пациентам.

А потом нужно было идти назад в свой кабинет.

— Надо перестать думать. Перестать думать! — говорил он себѣ в таких случаях. — Гитлера нѣтъ! Гитлера нѣтъ! Существует только я один. Время — моя терапия.

.....
Доктор Моллер опустился в кресло у письменнаго стола и нажал кнопку с надписью: "Доктор Францель".

Как раз в этот момент дверь вторич-

но открылась, и перед доктором предстал высокой молодой человек с волосами почти такими же светлыми как и его полотняная рубашка.

— Доброе утро, Эрих! — сказал Моллер.

— Доброе утро, господин доктор. Вы хорошо отдохнули в прошлую ночь?

— Отдохнул!

На губах у доктора промелькнула насмешливая улыбка.

— Какое смешное слово!

Лицо молодого человека омрачилось.

— Может быть вам следовало бы пройтись куданибудь? — заметил он. — Новые впечатления!..

— Обычный рецепт мой мальчик, — сказал доктор Моллер. — Конечно было бы очень неплохо если бы я мог прокатиться в Берлин.

— В Берлин? Почему именно туда, господин доктор?

Моллер пожал плечами и снова обратил взгляд к окну.

— Так, просто... каприз... Но я не могу поехать вообще никуда. Они уж поза-

боятся об этом. Но вы?... Вам следовало бы съездить в Берлин.

Глаза Францеля затуманились. На лбу у него появилась морщина.

— Вы говорите сегодня загадками, — сказал он.

— В Берлин нужны такие северяне как вы, — упрямо продолжал Моллер. — Там понравятся ваши арийские брови, ваши лимонные волосы, ваши голубые глаза. Да, нацистам вы придется по вкусу.

— Простите, господин доктор!

Францель вдруг почувствовал себя неловко и в мозг его прокралась нечто вроде подозрения. Доктор Моллер вел себя так странно в последние дни и Францелю пришлось бороться за то, чтобы отделять дружбу от чисто профессионального суждения. Неожиданное горе, большая потрясения иногда...

— Простите Эрих, — сказал доктор Моллер. — Вы должны извинить меня мою болтовню. Ну-с, что у нас на очереди?

Францель смущенно дернулся.

— Новый пациент из Лица. Он состоял раньше в секретном страдѣ коричневых рубашек!

— Нацист! У нас?

Кровь отлила от лица доктора Моллера.

— Это же пациент, — быстро напомнил ему доктор Францель. — Параноик. Он совершенно безобиден. Вот его бумаги!

Доктор Моллер откинулся назад на спинку кресла.

— Хорошо Эрих. Приведите его сюда.

Францель вышел с поклоном.

Первый коричневорубашечник в Штейнгоффе!.. И так здесь были тайные нацисты еще до аншлусса... они скрывали свои преступные мысли, прикрывались чужими мантиями. А когда Гитлер подал знак, они все вдруг поднялись из своих углов, как зубы Язона. О, жалкое, опасное племя, в котором каждый человек становится нацистом!

Доктор Моллер все еще пересматривал бумаги нового пациента, когда дверь широко распахнулась. Францель тихо кашлянул.

От усталости доктора Моллера уже не осталось и следа.

Нацист или не нацист — безразлич-

но; это был прежде всего больной.

Доктор улыбнулся, почувствовал себя снова в служебной одежде, которая была так удобна и создавала дружескую атмосферу.

— Доброе утро, друг мой!

Пациент выбросил вверх руку.

— Хэйль Гитлер!

— Садитесь, — сказал доктор Моллер.

Прямая как шест фигура не колыхнулась. Только опустилась вниз рука, точно послѣ сигнала, когда прошел поѣзд.

— Очень хорошо, — также мягко продолжал психиатр. — Можете продолжать стоять. Надѣюсь вам будет хорошо у нас... Господин... — тут доктор заглянул в документы. — Господин Северин Браун. Это ваше имя, неправда ли?

— Нѣт!

Голос больного звучал рѣзко.

— Кто же вы такой?

Снова презрительный отвѣт:

— Вы узнаете послѣ. И вам это не понравится!

Глаза доктора Моллера скользнули по безразличному лицу пациента.

— Параноик! В таком случае она была заключена в страшную, загадочную

скорлупку.

Новые пациенты редко бывают такими грубыми и презрительными. Они обычно держатся, как дети играющие в маскарад и желающие что бы им вѣрили.

Но этот человек не казался таким ребенком. Он казалось был весь из стальной проволоки, прямой, со сжатым ртом, с неподвижными глазами цвета голубого мрамора.

Покрой его куртки с серебряными пуговицами выдавал в нем сельского жителя из Мондзее, вблизи Зальцбурга. Это была родина доктора Моллера.

Может быть если пациент узнает имя своего врача, он станет привѣтливѣе.

— Гдѣ ваша родина друг мой? — спросил доктор.

— Великая Германия!

— Нѣтъ, я хотѣл только знать откуда вы, — невозмутимо сказал доктор. — С озера, или с гор?

— Освободители не живут на равнинах. Высоко, в Оберзальцбургѣ выстроил Гитлер свою хижину!

— Хижину! — фыркнул Францель, впервые вмѣшиваясь в разговор. — Это дворец!

Но глаза доктора Моллера сузились, сдѣлав предупреждающій знак и сконфужен-

ный ассистент замолчал.

Голос старшего врача стал слегка хрипѣть, как много игравшая граммофонная пластинка, когда он снова заговорил:

— У вас есть жена? Дети?

— У Гитлера нѣтъ жены!

Гитлер, Гитлер! Доктор Моллер начал понимать в чем тут дѣло.

Он помолчал немного и снова опустил глаза на опечатанный на машинкѣ медицинскій рапорт, присланный из Линцкаго госпиталя. Доктор прочел в нем строки, которыя сначала не замѣтил... Браун был членом тайнаго нацистскаго союза... Браун был в заключеніи... Бурн страдал бредовыми идеями

— Вас интересует политика? — осторожно спросил доктор Моллер.

— Свобода, а не политика! — голос человека зазвучал громче, и в нем послышалось нѣчто вродѣ обвиненія.

— Вы! — продолжал он. — Почему вы не в партіи?

Доктор Моллер вздрогнул, и обернулся к окну, но оно было закрыто. Он знал чего он боялся. А этот человек знал что доктор не состоит в партіи. Не был ли это просто шпион, подосланный для того, чтобы слѣдить за ним.

Возможно, что вездѣсущія, нацистскія

уши подслушали его разговор с самим с собой в паркѣ? Или может быть кто нибудь слѣдит за его почтой? А может быть его выдала скорбь на лицѣ?

От нацистов вообще всего можно было ожидать. Может быть еще, а впрочем — конечно так... Ему только сейчас пришло это в голову — он вѣдь не отвѣтил на "Хэйль Гитлер". Благодаря этому пациент мог сразу же раскусить его.

Доктор почувствовал, что кровь стнет в его жилах, когда он снова заговорил:

— Может быть вы считаете, что попали сюда по несправедливости? Может быть вы не хотѣли бы быть здѣсь?

— Да, да! — дико засмѣялся Браун. — Меня загнали сюда враги. На улицах была кровь и лежали такіе же люди как вы!

— Но я не враг ваш. Я — ваш друг!

— Вы думаете, что я сумасшедшій?

— Конечно, нѣт.

Лицо доктора Моллера было совершенно безстрастно. Но за этой равнодушной маской крылось удовлетвореніе. Пациент начинал говорить тѣми формулами, какими обычно говорили всѣ параноики. И как всегда голос доктора произвел нужный эффект. Браун был поставлен в соотвѣтствующую колею. Он сразу же как то обмяк и с открытым ртом опустился на долго ожидавшій его

стул.

— Вы значит признаете что я не безумен?

— Какое неприятное слово, — сказал доктор Моллер. — Конечно, если вам здѣсь не нравится, вы можете не оставаться здѣсь!

— Вы хотите сказать, что я могу уйти?

— Да!

Мрачное лицо пациента приняло изумленное выраженіе, какое бывает у дѣтей, когда им дают в руки игрушку, а затѣм отбирают. Его упрямые, голубые глаза смотрѣли, то на одного врача, то на другого. В них сквозило явное недовѣріе.

Он ожидал, что с ним будут обращаться грубо, что его будут насильно заставлять оставаться здѣсь. Так животное боится быть прирученным и в то же время хочет имѣть хозяина.

— Может быть, — продолжал доктор Моллер, — вы хотите, чтобы я ушел?

— Нѣт! — быстро отвѣтил Браун, — но тут же повернул голову к Францелю.

— А вы уходите! — сказал он тыкая в него пальцем. — Вы уходите!

Пациент опредѣленно поддавался внушенію. Молодой ассистент многозначительно улыбнулся своему начальнику и, не говоря

ни слова, как он всегда дѣлал в таких случаях, вышел из комнаты.

Только теперь доктор Моллер снова почувствовал гнетущую тяжесть на спинѣ, которая вызывалась у него усталостью.

Обычная работа, которую он привѣтствовал, как стараго друга, послѣ кошмара Рингштрассе нарушала уединеніе, но все-таки и отрывала доктора от его затаенных мыслей.

Он посмотрѣлъ на Брауна, сидѣвшаго против него. Человѣкъ, точно оживал: казалось, что на нем оттаивала восковая маска, показывая его настоящія черты.

Теперь в кабинетѣ было только два человѣка.

— Вы спрашиваете меня, кто я? — сказал он неожиданно. — Вы знаете кто? Германія пробуждается. Мы топчем всѣх, кто загораживает нам дорогу. Одна нація, один фюрер!

— Да, да, — соглашался доктор Моллер, удивляясь бѣшенству с которым человѣкъ произносил все это.

— Вы знаете вашего хозяина, — сказал Браун, тут губы его растянулись в безумной усмѣшкѣ. Он стал смѣяться, но доктор Моллер уже привык слышать такой смѣх. Кнопка с именем Францеля была у

него под рукой. Стоило только нажать ее. Но лучше было подождать еще немного.

Голос Брауна переходил уже в крик.

— Вы трусы! Вы всѣ трусы! Дураки и интеллигенты должны уйти! Мы сожжем ваши книги! Ваши церкви! Ваши магазины! Вы боитесь, как ваш Дольфус, который кричал, пока мы не пристрѣлили его. Вы дрожите, как ваш Шушниг. Он стоял как женщина на колѣнях и плакал передо мной

— Перед вами?

Изумленіе доктора было так велико, что он забыв о своей роли, вскочил с кресла.

— Да, передо мной. Я — фюрер!

Психіатр вздрогнул.

Он видѣлъ в этих стѣнах Христа. Он имѣлъ дѣло с Наполеоном и Фридрихом Великим. Но теперь его охватило какое то новое ощущеніе. Он боролся сам с собой, боясь что вихрь слов, выбрасываемых этим странным человѣком, закрутит и его.

Он сам был перед опасностью бреда. Бред наполнял всю комнату. Но, что было страшнѣе всего, страшнѣе любой пытки, всѣх мук больного ума, это — голос.

Голос. Кричащій, воющій, истерическій голос прорѣзающій воздух во всѣх концах Европы. Голос, отравляющій прессу.

— Хэйль Гитлер! — катилось по ули-

цам.

— Хэйль Гитлер! — гремѣло радио.

— Хэйль Гитлер! Хэйль Гитлер! Хэйль Гитлер!

Доктор Моллер снова поднес пальцы к вискам.

А Браун, нѣтъ не Браун, а Голос, продолжал:

— Мы слѣдуем за нашим флагом. Мы ведем нашу молодежь. Мы не нуждаемся в Богѣ! Нам не нужно Христа! Нам не нужно папы! Наши ножи — остры. Кровь стекает с наших рук. Ваши женщины!

— Замолчите... Замолчите!

Доктор Моллер разрыдался. Но голос твердил свое. Зловѣщіе слова лились из его горла черным потоком:

— Ваши женщины. Когда нам не нравится то, что онѣ говорят, мы их бьем! Они кричат вот так! — тут изо рта больного раздалось нѣчто вроде кудахтанья. — Онѣ кричат, как грудные дѣти. Онѣ...

— Замолчите, безумный!

Доктор Моллер забыл о кнопкѣ на своем письменном столѣ.

Он забыл свое собственное имя, забыл об истерзанном, несчастном разсудкѣ, который улизнул из под его влiянiя. Он помнил только об одном: надо заставить замолчать этот голос.

Пальцы доктора конвульсивно сжались, как ноги паука оторванные от своего туловища. Он вскочил...

**

Прошло нѣсколько минут прежде, чѣм доктор Моллер оторвался от тѣла, распростертаго на полу.

Он сначала привстал на одно колѣно, провел рукой по своему окровавленному лицу и сдѣлал попытку собраться с мыслями, понять что он совершил.

Потом посмотрѣл на Брауна, на отпечаток своих пальцев на его горлѣ и тут только осознал, что измѣнил своей присягѣ.

На стѣнѣ кабинета висѣл текст этой присяги, вставленный в рамку.

Доктор был как пьяный; строчки плясали у него перед глазами, но он помнил слова Гиппократова наизусть:

— Я клянусь... Я буду посѣщать дома для блага больных... чисто и свято буду я примѣнять мое искусство!

Но для Брауна не было мѣста в рамках этого закона.

Он был только символом. Он был только образом и голосом темнаго изувѣрства.

Для этого мертваго человѣка не существовало ни жалости, ни угрызений совѣ-

сти. Онъ вѣдь не нужны в аду.

А впрочем никакого Брауна вообще не существовало.

Возможно, что не было и доктора Моллера.

Доктор чувствовал себя так, как если бы шел по улицѣ и зашел в тупик. Браунъ был счастливѣе его — он сумѣл во время найти выход для себя.

У нацистов имѣются превосходные способы для того, чтобы замучивать тѣх, кого они обрекли на смерть. Стоит только гитлеровскому автомобилю подкатить к дверям... эти страшные мерседесы, черные, как огромные тараканы, уже наводнили Вѣну, уже расплозились по всѣм ея улицам.

За ним тоже придет такой автомобиль. Доктор Моллер сдѣлал нѣсколько шагов поднявшись, на четвереньках кое-как добрался до своего кресла и с трудом поднявшись, сѣл в него. Он был разбитъ.

комнатѣ.

Вошел Францель. С минуту он не мог вымолвить ни слова от изумленія и испуга, охватившего его при видѣ разгрома в комнатѣ.

— Святой - Боже! Господин доктор. Что вы надѣлали?

— Закройте двери Эрих! — крикнул доктор Моллер.

О если бы только можно было избѣгнуть неизбежнаго!

Францель автоматически повиновался и поднял глаза на своего начальника. Красивое лицо молодого врача было искажено ужасом и страхом — не страхом смерти, (он видѣл худшее чѣм смерть) не страхом за себя, а страхом за человѣка который был его учителем и другом.

— Эрих... я должен был сдѣлать это.. должен был... он говорил такія вещи Эрих!.. —

Францель кивнул головой

— Я понимаю господин доктор.

Он медленно прошелся по кабинету, механически передвинул на свое мѣсто стул, который во время борьбы был отброшен в угол, поправил рамку с гипократовой клятвой, на чистой бѣлой стѣнѣ.

— Я полагаю что надо позвать полицію? — сказал он.

— Да, — устало сказал доктор Моллер. — Надо! —

— Мы должны сдѣлать что то..

— Да... конечно.

— Но, вы ранены господин доктор?.. Ваше лицо!

— Ничего... ничего!..

Оба они внимательно посмотрѣли друг на друга. Их глаза говорили то, чего они не могли высказать словами.

Они были мужчины, друзья, коллеги.

Каждый из них знал, что терять времени нельзя.

То, что происходит каждый раз послѣ убійства нациста — именно нациста, неизбежно, как ночь наступающая послѣ заката солнца.

Затѣм, так как от его старшаго коллегги не раздалось ни одного слова, Францель подошел к столу и дрожащими пальцами взял телефонную книжку.

Эта книжка показалась ему тяжелой могильной плиты.

— Подождите! — неожиданно вдруг воскликнул доктор Моллер, отталкивая его от письменнаго стола.

— Да, господин доктор?

Францель выронил книгу из рук.

Мозг доктора Моллера начал проясняться. Они уже черезчур охотно взялись звывать полицію. А между тѣм был вѣдь шанс на спасеніе.

— Эрих! — сказал доктор дѣлая нѣсколько шагов к дверям. — Эрих знаете?.. У Брауна вѣдь не было родственников?

— Вы в этом увѣрены?

— Абсолютно. Это указано в его бумагах! —

— Ну...?

Францель сам не смѣл еще вѣрить той мысли которая рождалась в мозгу у них обоих. Он предпочитал ожидать и слушать.

— Эрих. — прерывисто заговорил доктор Моллер. — У меня тоже нѣт никаких род

ственников.

— Да да!.. продолжайте! —

— Браун прибыл сюда один?..

— В сопровожденіи больничнаго служителя который вернулся обратно в Линц.

Доктор Моллер зажег сигарету и глубоко затянулся.

— Вы понимаете меня Эрих?

— Да. —

Но мысль Моллера показалась ему все таки чудовишной.

— Господин доктор! Это... это так фантастично...

— Такова и сама жизнь теперь (Голос доктора Моллера звенѣл). — И таковы мы сами. Вѣдь то, что я сдѣлал... этот человек на полу.

Францель кивнул головой. Его взгляд снова упал на Брауна.

— Он не носил очков. А у вас... У вас шрам над глазом. Они могли запомнить это!

— Это можно устроить, — мрачно сказал доктор Моллер.

Он прошел к тому мѣсту, гдѣ лежали его упавшіе очки, поднял их и надѣл на лицо мертвеца.

Потом также быстро схватил свою толстую, узловатую альпійскую палку и описал ею в воздухѣ дугу. Палка со свистом опустилась на голову мертвеца. Мертвая го-

дова точно дернулась в сторону и мелкие осколки стекла разлетелись по всей комнате.

— Готово, — сказал доктор Моллер переводя дыхание. — А теперь, помогите с костюмом.

Солнце стояло уже высоко, когда доктор Моллер окончил свой туалет. Он натянул шерстяные чулки ручной вязки и зашнуровал тупоносые башмаки. Его пальцы обшарили карманы штанов, обшитых зеленой тесьмой и смѣшной тирольской куртки.

Он нашел коробку сигарет, маленькую металлическую пуговку со знаком свастики, похожую на ту, что были на куртке, несколько шиллингов еще не размѣнянных на марки и клочек старого билета с дунайского парохода, рейсирующего между Линцем и Вѣной.

— Эрих, как вы думаете они будут очень внимательно слѣдить за мной?

— Вряд ли, если вы только не будете слишком много говорить.

— Я знаю самое главное акцент Мондзее. Но и это придет со временем. Надо только напрактиковаться. А теперь еще одно...

Доктор сѣл за стол, приколот лист бумаги Штейнгофскаго госпиталя к документам больного и написал своим — своим крупным почерком:

— Этот пациент был бы немедленно

опущен если бы он все еще не страдал бредовыми идеями на почвѣ увлечения нацизмом.

С минуту доктор Моллер помедлил. У него перехватило горло. Оставалось дописать еще только одну строчку — этих слов он больше уже никогда не напишет.

Затѣм перо его вывело:

— Доктор Карл Моллер.

Доктор промакнул написанное и в послѣдній раз выглянул в окно.

Он видѣл чистые, бѣлые домики в которых могли отдыхать люди с большими разсудками... он видѣл серебрянныя сосны, которыя десять лѣт тому назад посадила Грета, капеллу с ея цвѣтными стеклами, площадку для прогулок и все что вообще отличало Штейнгоф.

С сухими глазами он отвернулся от этого давно знакомого, дорогого ему мѣста. Теперь ему предстояло заглянуть в страшное будущее. У ног его лежал труп, ставший доктором Моллером.

— Доктор Моллер был старый дурак, Эрих! — сказал он таинственно,

— Господин доктор... пожалуйста!

Францель говорил тихо. Глаза его свѣтились любовью.

— Нѣт, Эрих! — поправил его доктор. — Я теперь господин Браун. Моя жизнь зависит теперь от вас вѣрнѣе от вашего язы-

ка. Господин Браун. Повторите это!

— Браун. Северин Браун.

— Спасибо, Эрих! А теперь вы можете звонить!

ГЛАВА ВТОРАЯ

По ночам Вѣна была похожа на красивую жепщину неожиданно состарившуюся от ужаса, который принесли с собой завоеватели.

Еще недавно ярко освѣщенные улицы казались теперь темными провалами, в которых гулко отдавался топот марширующих ног. Веселые, горящие огнями, кафе были наводнены грубой пьяной чернью.

Повсюду гдѣ проходили Наши была смерть.

— Писатель Фридель застрѣлился.

— Канцлер Шушиг зточен в собственном домѣ.

— Майора Фейя и его семью настигли на Рингштрассе подосланные убійцы.

— Извѣстный врач, доктор Нобель и его жена покончили с собой, как у них было заранѣе условлено.

— Президент Миклас давно уже исчез, а сотни сограждан были замучены.

Человѣкъ по имени Северин Браун сидѣл в задней комнатѣ скромнаго домика на Тейнфальтштрассе служившаго ранѣе секретным, а теперь официальным штабом штур-

мовиков.

Он сидел здесь после того, как его привезли из Штейнгофскаго санаторія. Тело штейнгофской жертвы было давно уже брошено в грузовик с мусором и его везли сейчас к сосновому лесу в район Гитцинга, где оно будет выкинуто в яму. Его похоронят ночью при свѣтѣ фонарей и имя доктора Моллера будет забыто.

Но тонкій, гибкій мозг доктора Моллера останется жив в тѣлѣ чловѣка, котораго зовут Северин Браун. Благодаря этому новому имени жизнь его должна пойти по новому неизбежному пути.

Он увидѣл в этом еще один шанс выполнить то, что он считал своим предначертаніем — убить Гитлера.

Как все это быстро произошло!

Сейчас все это вспоминалось уже как фильм.

В докторскій кабинет в Штейнгофѣ вошел предводитель отряда штурмовиков и бросив взгляд на труп, спросил Францеля:

— Так вот он вѣдь доктор Моллер? Ну что ж! Мы все равно должны были бы прийти за ним рано или поздно.

Смѣлый вѣрный Францель! Как хорош он сыграл свою роль.

Предводитель штурмовиков спросил:

— Что же тут произошло?

— Ах, — сказал Францель с великолѣп-

но вздрогнув плечами: бѣдный парень недооцѣнил своей физической силы. И когда доктор Моллер неосторожно отозвался о фюрерѣ...

— Понятно, — расхохотался штурмовик и этот дикій смѣх был подхвачен двумя его товарищами. — Понятно! Господину Брауну неприятно было слышать измѣнительскіе слова и он расправился с измѣнником сам. Не правда ли?

— Да, — совершенно вѣрно! — согласился Францель. — Но я рѣшил, что будет лишним обращаться к полициі.

— Вы совершенно правы господин доктор! —

— Я увѣрен, что господин Браун не намѣревался причинить ему какой нибудь вред. Собственно говоря он мог бы прекрасно сдержаться, если бы доктор Моллер не написал нѣсколько неосторожных слов.

— Он написал? Гдѣ?

Доктор Францель взял лист бумаги, который был прикрѣплен к бумагам Брауна.

— Вот... это!.

— Чорт побери, — воскликнул штурмовик. — Я не удивляюсь, что тут нельзя было обойтись без насилия. Для арийца (тут штурмовик бросил презрительный взгляд на труп) ваш доктор Моллер был удивительным дураком. Он был еще глупѣе чѣм его еврейка — жена.

При этих словах Браун закивал головой.

В этом движении был почти энтузиазм. Господи! Как может извинить человека жажда мести.

— Я должен сделать вам письменный доклад? — спросил Францель.

— Доклад?

Предводитель штурмовиков хитро подмигнул.

— Нет, мы не делаем докладов о... скажем... о маленьких делах.

— А дело?

— Мы уберем эту свинью. Об этом не может быть и разговоров.

— А как относительно госпитального штата? —

Все еще улыбаясь штурмовик показал Брауну на дверь:

Мы позаботимся и об этом. Хэйль Гитлер! —

— Хэйль Гитлер! —

Так было замято дело об убийстве. Просто, по нацистски.

В ту ночь в маленьком домике кипела жизнь.

Люди в коричневых рубашках входили и выходили разнузданные и пьяные. У многих в руках были золотые и серебряные вещи из разграбленных домов и магази-

нов.

Повсюду раздавалась знаменитая песня Хорст Весселя:

— Штурмовики вперед,

Взвейте выше ваш флаг!

Ряды сжимайте тесней,

Равняйте спокойный шаг!

— Равняйте спокойный шаг! Какое издвательство!

Эти люди никогда почти не ходили спокойно. Они всегда бьжались, и притом за кемнибудь.

Он много слышал об Отделе Штурмовиков крошечной армии созданной капитаном Эрнестом Ремом, чтобы привести Гитлера к власти.

Рем оказался, однако, черезчур честолюбивым и Гитлер уничтожил его. Но партия использовала его идею и ремовцы стали легендарными чудовищами, незамѣтными палачами во всех лутцах и погромах.

Северин Браун видел их вблизи.

Однажды, послѣ безконечного ожидания, он выглянул через загороженное рѣшеткой окно во двор. Он увидел там двух девушек совершенно обнаженных и распростертых на травѣ. Их держало с полдюжины сильных рук.

Луна бросала свой свѣт на эти бѣлые замученные тѣла. На их кожѣ были пятна от грязи. Но девушки некоторое время лежа

ли тихо. Северин Браун не отвернул глаз от этого зрѣлища до тѣх пор, пока в воздухѣ не блеснули стальные ножи, которые пригвоздили дѣвушек к землѣ.

Онѣ взмахнули руками, как бабочки крыльями, в предсмертной судорогѣ. Их тѣла вдрогнули в послѣдній раз, их рты раскрылись ища воздуха... и послѣднее их дыханье было унесено шелестящим вѣтром.

Потом в домик вошли штурмовики и один из них сказал:

— Эти толстые вѣнки ничего не понимают в германской любви!

Нѣсколько минут штурмовики болтали между собой и Браун внимательно прислушивался к их словам так как тут можно было многое узнать.

Они говорили о нападеніях и разбоѣ. О том скольким людям они "помогли" покончить с собой.

Они рассказывали друг другу о том как был разграблен дворец барона Людвика Ротшильда и как они наполнили государственные грузовики цѣннѣйшими произведениями искусства на миллионы марок.

Они хвастались воздушным флотом генерала Геринга, двумя сотнями бомбовозов которые летали над омраченной Вѣной, как саранча, имѣя каждый, в своем толстом, стальном животѣ по дюжину штурмовиков.

— Скажи Гельмут, — осклабился один из коричневорубашечников. — Геринг привез своего льва в Имперіаль Отель?

— Конечно нѣтъ, — засмѣялся тот, кого называли Гельмутом. — Он уже послал в Лейпцигскій Зоологическій сад за новым.

— Что? Опять?

— Да, ему пришлось убить еще одного. Лев стал черезчур игривым и откусил кусок розовой щечки фрау Геринг.

Казарма зазвенѣла от смѣха. Браун поражался, как они могут говорить так смѣло. Он еще не знал, что Геринг и Геббельс допускали шутки о себѣ. Только неврастенической, охваченный маніей величія Гитлер синѣл от гнѣва, когда узнавал, что кто нибудь шутит над ним. Это была страшная манія... манія проникающая в мозг и в кровь. Бывшій доктор был с ней хорошо знаком, он написал о ней ряд докладов.

Штурмовики пили и бражничали до поздней ночи. Сидя один в своем темном углу Северин Браун мог наблюдать за ними, вслушиваться в их разговоры и запоминать отдѣльные сцены. Все это должно было объяснить ему нацистскую идеологию.

Он видѣл теперь, что нацизм был своего рода религіей, религіей не допускающей никакой другой.

Доктрина нацизма исключала всякое иное божество, духовное или матеріальное.

Она построена на массовом гипнозе, проводимом великим мастером демагогии. Суть этой религии уже раскинута по всей стране и душишат всякое проявление другой идеи, другой жизни.

Когда нацисты захватили Австрию от них пострадали не только одни евреи. Пострадали католики, протестанты, люди без всяких религиозных убеждений. Пострадали мужчины, женщины и дети все те, кто до аншлуса мог высказываться как то против нацистского режима.

Все они были раздавлены.

Страшные щупальцы распростерлись над Австрией. Их можно было отрывать, отрубать, но вскорее бы отрастали новые.

И в конце концов эти щупальцы распространятся по всей Европе для этого нужно только чтобы оставался живым их мозг. Этот мозг уже покинул враждебную ему Вьну, он укрывается теперь в Берлине.

Значит надо отправиться в Берлин и там уничтожить этот мозг.

В этот первый период своего погружения в тайны нацизма, Браун почувствовал также сомнения относительно Францеля.

От Францеля теперь зависела жизнь Северина Брауна.

Браун напряженно припоминал все отдельные моменты своих отношений с Фран-

целем. Особенно важны были те последние моменты в Штейнгофе.

Теперь все казалось особенно значительным.

Он вспомнил чисто нацистские словечки, часто срывавшиеся с уст Францеля, привычку часто повторять "Хэйль", ту легкость с которой молодой врач разговаривал тогда с предводителем штурмовиков.

Со стороны Францеля Браун теперь не мог уже ожидать помощи ни в каком случае. Он вообще не сможет уже больше никогда смотреть в лицо Францелю.

Францель — какая ужасная мысль — может быть уже скоро сам подчинится нацистской морали. Может быть он уже подчинился ей?

— Проклятие! вдруг громко воскликнул он. — И вы, и вы Эрих не смогли бороться с наци?

— Вы что то сказали господин Браун?

Этот голос неожиданно напомнил ему все.

Браун оглянулся и увидел перед собой лицо молодого чернорубашечника с сильными выпирающими вперед челюстями.

— Хэйль Гитлер! — быстро откликнулся Браун вскакивая на ноги.

— Хэйль Гитлер!

Северин Браун внимательно оглядел

штурмовика..

Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ в твёрдые, точно накрахмаленные рейтузы, черную рубашку и блестящіе черные сапоги.

На его плечах поблескивали маленькія металлическія звѣздочки и дубовыя листья. Из под верхней черной рубашки выглядывали бѣлая сорочка и галстух.

Браунъ зналъ, что этотъ молодой человѣкъ принадлежит къ Шутцштраффелю — элитѣ чернорубашечников находившихся в личном распоряженіи Гитлера.

— Вы убили человѣка? — спросил штурмовик.

— Дурака доктора, который сказал..

— Да, да!.. Но у нас найдется мѣсто для вас, — продолжал штурмовик.

Браунъ насторожился. Десяток мыслей пронзил его мозг.

— Какое мѣсто имѣлъ ввиду для него молодой человѣкъ.

Может быть Дахау, страшный концентраціонный лагерь, начальник котораго Эрпсмиюллеръ сказал однажды:

— Помните, что это не люди, а свиньи. Чѣм больше мы их разстрѣливаем, тѣм меньше придется тратиться на их корм.

Или Лихтенбергскій лагерь, гдѣ у одного мюнхенскаго адвоката медленно выкручивали из суставовъ руки и ноги.

Или Захсенбургскій, гдѣ каждая камера снабжена петлей на случай, если какой нибудь арестованный вздумает повѣситься.

Или может быть здѣсь крылся намек на тѣ дикія лѣсныя чащи, гдѣ людей заколачивали на смерть дубинами, а затѣм сваливали в яму.

— Вам бы конечно хотѣлось уѣхать из Вѣны? — продолжал чернорубашечник.

— Да! Вѣна для меня теперь неудобна.

Ему было фактически все равно куда бы не ѣхать. Лишь бы только видѣть над собой небо и солнце, до того дня пока он не свершитъ свою месть.

— Хорошо. Вы выѣдете в Мюнхен через пятнадцать минут!

А! Пятнадцатиминутная отсрочка. Для чего?

Небо было еще покрыто черными ночными облаками, когда Северин Браунъ отправлялся навстрѣчу неизвѣстному.

За эти нѣсколько напряженных часов он пережил безконечную жизнь. Картины одна другой мрачнѣе тѣснились в его мозгу, смѣняясь, как кадры в фильмѣ.

Визжащій Мерседес... стрельба среди ночи... прямыя точно замороженныя фигуры часовых, напоминавшія зловѣщих воинов над пропастью... и мирныя альпійскія

деревни, в которых жили веселые дѣти гор с такими еще розовыми щеками.

Северин Браун никогда еще не видѣл Гитлеровских автострад.

При переѣздѣ через границу в Зальцбургѣ он увидѣл эти чудодороги, выстроенныя из пота и проклятій сотни тысяч людей.

Эти безконечныя дороги пересѣкали истерзанную германскую землю, как бинты, не закрывая однако всѣх ея ран.

Городов и деревень по пути попадались мало и движеніе по этим дорогам можно было развивать до бѣшенной скорости.

Рано, рано утром они проѣзжали мимо одного мѣста, которое обратило на себя вниманіе чернорубашечников. Несмотря на то, что еще было почти темно, можно было различить поднимавшійся к небу тонкій дымок, и мелькавшіе вдали огни.

Это одна из тайных воздушных баз Великой Германіи, — с гордостью, сказал спутник Брауна, сидѣвшій рядом с ним.

— Зигхэйль! — автоматически отвѣтил Браун, как должен дѣлать в таких случаях всякій благонадежный нѣмец.

— Зигхэйль! — подхватили хором остальные.

— Фюрер все время строит, — сказал другой конвоир.

В глазах его промелькнуло горькое выраженіе, но остальные черты лица ды-

шали профессиональной гордостью.

— Да, строительство! — подумал Браун. — Строительство на дѣлах замученных людей. Строительство во имя войны и смерти, а населеніе мерзнет в одеждѣ военнаго времени, ѣсть хлѣб военнаго времени, живет в домах военнаго времени.

Но ничего этого Северин Браун не высказал. Вслух он воскликнул:

— Хэйль Гитлер! —

— Хэйль Гитлер! — отвѣтили чернорубашечники особенными, звенящими головами. Он тоже должен научиться говорить так.

Рычащій автомобиль быстро спустился с холмов и огни воздушной базы быстро погасли вдали.

Северин Браун вспомнил о них снова много позже, когда ему сказали, что вся страна устѣяна такими базами, незамѣтными с высоты, недоступными со стороны дорог. И каждый из этих скрытых ангаров поглощал все новые и новые аэропланы, которые тысячами выбрасывали заводы Германіи.

Гитлер ждал своего Великаго Дня.

Северин Браун также ожидал своего Дня.

Мѣрный шум Мерседеса в концѣ концов убаюкал натянутые нервы и когда машина подѣвжала к Мюнхену Браун тихо дремал.

Черноносая машина проскользнула по тихим еще улицам и остановилась у большого особняка.

Три штурмовика быстро распахнули двери автомобиля и выскочив еще на ходу взбѣжали по ступенькам лѣстницы не оглядываясь. Это кошачье движение было изобрѣтеніем Муссолини и имѣло цѣлью зашити от возможных нападений злоумышленников.

Оно было также типичным для нацистов, которые всегда так торопились, точно кто то гнался за ними по пятам.

Через минуту один из штурмовиков вернулся и кивнул Брауну. Тот вышел из машины, расправил затекшіе члены и поднялся по широким ступенькам лѣстницы.

У сводчатой двери его встрѣтил злобый, краснолицый штурмовик, котораго он раньше не встрѣчал. Рука нациста поднялась в стереотипном привѣтствіи:

— Хэйль Гитлер! —

— Хэйль Гитлер! — пролаял Браун.

Дом, куда его привезли был первым штабом нацистов. Гитлер получил его в подарок от своих богатых единомышленников.

В этом домѣ были намѣчены первыя "чистки", были приговорены первыя жертвы.

Штурмовик сказал Брауну:

— Добро пожаловать! —

— Добро пожаловать — Но куда? зачѣм?

Какая то страшная тайна, пронизанная запахом смерти наполняла весь этот дом.

Затѣм штурмовик ввел Брауна в комнату с мрачными, коричневыми стѣнами и низким, бревенчатым потолком и указал ему за стол.

За другим столом, немного дальше, сидѣло около десятка других штурмовиков, но ни один из них не выказал никакого интереса к Брауну.

Они разговаривали между собой тихо, как заговорщики.

Северину Брауну показалось вдруг, что стѣны надвигаются на него и вот вот раздадут.

Здѣсь было так пусто несмотря на многолюдность, так холодно!

Даже стыдливый луч свѣта, проникавшій через окно в сердце этого мрачнаго дома казался холодным.

Вошел слуга с нѣсколькими бутылками пива. На столѣ зазвенѣли кружки.

Северин Браун отпил глоток, чтобы утолить жажду и был доволен, когда штурмовик отерев усы встал со стула.

— Автомобиль ожидает вас, — сказал он.

— Автомобиль? — эхом откликнулся Браун.

— Да, — ответил штурмовик. — Вам вѣдь надо ѣхать дальше!

У него не хватило мужества спросить куда именно.

Молча прошел он через распахнувшиеся перед ним двери, так же молча вошел в машину и занял свое мѣсто. Сейчас же рядом с ним прыгнули в машину конвоиры и Мерседес с воем полетѣл дальше.

Мчались сначала по главным улицам, потом мимо церкви Богоматери с ея круглыми башнями, через средневековую площадь Марии. Затѣм повернули в узкую боковую улочку, задержались на момент перед пивной в которой пятнадцать лѣт тому назад Адольф Гитлер замыслил свой кровавый путч.

Чернорубашечники сорвали шапки и с какой то особой теплотой произнесли "Хэйль".

Северин Браун также отсалатовал.

Главный герой этого путча был в его представлении далеко не героем: перед взором Брауна встал человек с дикими, испуганными глазами, со смѣшными маленькими усиками, согнувшийся в три погребели и бѣжавший по этим самым улицам с рукой, прострѣленной пулей.

Пуля в руку Гитлера!

— Боже мой, — подумал Браун, — почему она не попада ему в голову?

Рессоры мягко подпрыгнули еще нѣ сколько раз и скоро старый Мюнхен остался позади.

В теченіи остального дня перед путниками бесконечно развѣтывалась скучная бѣлая дорога.

Час за часом выливалась из под поющих шин длинная, бетонная полоса.

Обогнули Нюренберг, гдѣ каждый год устраивался нацистскій конгресс.

Когда то, в молодости доктор Мюллер был в этом городѣ. Он посѣтил старинный замок и видѣл страшныя орудія пытки, которыми тот славился.

Но нацисты перешеголяли предков: они могли их поучить своему искусству.

Дальше по автострадѣ, через шлеестящий, зеленый Франконскій лѣс. Здѣсь дорога шла так высоко, что с нея были видны крыши домов Грейца, Шлейца и Геры разстилавшихся внизу.

Наконец к закату горы стали смѣняться равниной и вечером перед путниками засверкали вдали в туманѣ огни большого города.

Северин Браун знал, что это Берлин. Он знал что его привезут сюда, когда они проѣзжали еще мимо других городов.

Орангенбург остался далеко позади — значит его везут не в концентрационный лагерь. Оставался только один пункт назначения "Берлин," но зачѣм его рѣшили привезти сюда — было загадкой которую Северин Браун не мог разрѣшить.

Было уже темно, когда Мерседес пролетѣв по Авиевой дорогѣ, проскочил через восточные ворота столицы и оттуда помчался по Принц-Регент-Штрассе к центру города.

Тут шоффер остановился перед высоким зданием из красного кирпича.

Теперь чернорубашечники держались уже иначе. В них, как произошла какая то перемена, их рѣчи стали звучать воинственными, в манерах стало больше наглости, в глазах появилось выражение власти. Чувствовалось, что они здѣсь у себя дома.

Северину Брауну стало вдруг страшно.

Здѣсь пульс нацизма бился со всей своей силой.

Штурмовики провели своего гостя во внутрь дома и не задерживаясь в слабо освещенном вестибюлѣ, поднялись по витой каменной лѣстницѣ во второй этаж.

Затѣм, через скрипящую дверь с лѣвой стороны лѣстницы они вошли в узкий коридор и остановились посрединѣ.

— Вот ваша комната! — сказал один

из конвоиров, — показывая на комнату направо.

— Простите, — спросил Браун не будучи уже в силах сдержать своего беспокойства. — Не будете ли вы так добры сообщить мнѣ, почему я здѣсь?

— Ах вот как, — засмѣялся один из штурмовиков. — Вы думаете, что у вас есть какое то право спрашивать?

— Конечно. Я послужил моей странѣ. Я — не свинья. Я хочу быть около моего Фюрера! —

— Не так то скоро господин Браун. нахмурился штурмовик.

— Не так то скоро! Вы нам конечно понадобится и когда потребуется, вам все скажут. Вы узнаете тогда, что значит убивать.

— Или, — замѣтил Браун, — быть разстрѣлянным самому?

— Осторожиѣте, — оборвал его нацист снижая голос почти до шепота. Вы слишком много разговариваете.

Браун коротко поклонился:

— Простите! —

— Хорошо. В шесть часов утра вы услышите звонок. Будьте готовы к этому времени. Вас позовут. Хэйль Гитлер! —

Чернорубашечник круто повернулся на каблуках и Браун остался один.

В этой комнатѣ с высоким потолком

и ослепительно бѣлыми стѣнами его вдруг охватила невыразимая тоска.

Он никак не мог разгадать этой психологической загадки.

Обычно во всѣх нацистских процессах людей казнили без промедленія. Почему же его привезли сюда?

Или это странное заключеніе было новой формой казни? Или они хотят вызвать его мысли и посадили сюда для того что бы незамѣтно слѣдить за ним? Или, наконец, его просто охватывает манія подозрительности — результат чтенія нацистских книг повліявших на мозг... чей мозг?.. Доктора Моллера или крестьянина Северина Брауна из Мандзее?

Северин Браун бросился в постель.

Но спать он не мог. Немного времени спустя он встал и подошел к окну выходящему на большой, ярко освѣщенный двор.

Высунувшись из окна он увидѣл, что в том корпусѣ, гдѣ была его комната, окна не имѣли рѣшеток, тогда как в боковом корпусѣ всѣ окна были исполосованы желѣзными прутьями.

Свѣтъ со двора падал на эти окна и в них можно было различить изможденные лица. Они то появлялись то исчезали.

— Что это были за люди?

По корридору раздавался стук сапог... и гулкое "Хэйль" прокатилось под сводами

зданія.

Браун отошел от окна, осторожно прошел через всю комнату и слегка приоткрыл дверь в коридор.

Чернорубашечники мѣрно вышагивали вдоль коридора. У нѣкоторых в руках были длинные бичи.

Со стороны двора послышался какой то странный шум.

Северин Браун снова подошел к окну и замѣтил, что блѣдныя лица исчезли из за рѣшеток.

Через минуту, однако, внѣшняя дверь бокового корпуса широко открылась и во двор высыпала толпа мужчин и женщин.

Нѣкоторые из них шли спотыкаясь, нѣкоторые падали, но их тут же поднимали шелкающіе бичи.

Воздух наполняли мольбы и проклятія.

Одна женщина, с которой удар бича сорвал платье, ломала худыя, морщинистыя руки, извиваясь как раненая кошка.

— Нѣт, нѣт. — рыдала она. — Я не слѣдала ничего дурного! —

Штурмовики захохотали.

— Ты ничего не слѣдала? А ты не смѣялась, когда фюрер говорил по радио?

— Я не смѣялась, — продолжала рыдать женщина. — И притом мы были со-

вершено одни, только я и моя дочь. Она знала, что у меня нѣтъ на умѣ ничего дурного.

Штурмовик снова ослабился и снова в воздухѣ просвистѣлъ бич.

— Да, твоя дочь, вѣрная рабочая дѣвушка... Для нея фюрер дороже тебя.

Женщина сразу умолкла, а штурмовик отошел прочь.

Кому охота бить бабу которая уже больше не визжит?

Северин Браун взглянул еще раз вниз, на этот кишачій замученными, человеческими существами двор, и его пальцы вдруг скрючились и впились в камень подоконника.

То, что он видѣлъ было страшно, нѣтъ даже не страшно, а просто не укладывалось в его мозг.

Была ли это дѣйствительность или только сон, сон истерзаннаго ума?

Эти люди распростерты на каменном дворѣ... И тут же другіе люди.. свистящіе бичи... холодная, почти дѣловитая жестокость!

Затѣм штурмовики выгнали арестантов через ворота и растолкали их по грузовикам, которые с оглушительным ревом исчезли в сумракѣ ночи

Северин Браун лег в постель. Он чувствовал, что у него ноет не только мозг

но и все тѣло.

В том склепѣ, гдѣ у него когда то хранилось сердце теперь ощущалась ноющая пустота, несмотря на мѣрный стук молоточков в крови.

Он чувствовал, что уже может понимать иммунитет штурмовиков: для этого нужно было только постепенно приучить себя к ненависти и злобѣ которая противопоставлялась теперь жалости и вообще любому гуманному чувству.

Он не узнавал прежних симпатичных, вѣжливых нѣмцев. Эти люди жили в постоянной духовной зависимости от Гитлера, Геббельса и Геринга и это замораживало их кровь.

И с ним произойдет то же самое.

Раньше он бывало говорил своим пациентам:

— Вы будете тѣм, чѣм вы хотите быть. Вы можете быть счастливы если у вас на это есть достаточно воли.

Это была грубѣйшая форма психологического воздействия, но с умами недостаточно сильными она творит чудеса.

А теперь он видѣлъ націю под таким массовым гипнозом, и люди, подвергающіеся этому гипнозу слѣпо выполняют волю Голоса.

Если бы Гитлер сказал вдруг всей націи, что черное стало бѣлым, ему бы по-

вѣрили. Он уже вѣдь научил ее новым нацистским добродѣтелям — грабежу, убийству и насилію.

Он объявил незаконную любовь легальной при условіи, чтобы счастливые любовники поставляли дѣтей для штурмовых отрядов.

Он проповѣдывал германцам что "Нѣт Бога кромѣ Гитлера" и что Христос был "корень всѣх зол", что землей могут править только сила и оружіе.

Северин Браун продолжал лежать глядя в потолок, с разсвѣтом ставшим свѣтло-сѣрым.

Ровно в шесть по всей каменной юрѣ-ности прозвучал звук гонга.

Северин Браун выпрямился и стал протирать глаза. Ему показалось, что с наступленіем утра он немного задремал.

Он еще умывал свое щетинистое лицо перед рукомыльником, когда желѣзная дверь широко открылась и вошел молодой чернорубашечник.

— Хэйль Гитлер! —

— Хэйль Гитлер! — эхом отозвался Браун.

— Поторопитесь — сказал молодой человек. — Вы опоздаете.

Этот мрачный! юмор вызвал на губах Брауна подобіе улыбки.

Куда он опоздает? На свою собствен-

ную казнь? Не это ли хочет сказать молодой человек?

Он быстро вытер мокрыя щеки скончанным носовым платком и откинул назад непричесанные волосы:

— Я готов! —

— Сюда, — грубо сказал юноша. — Начальник участка Халлер ожидает. —

Они пошли по длинному коридору и их каблукі производили тяжелый, пустой звук отдаваясь на каменном полу.

Они спустились с лѣстницы на нижней площадкѣ которой сгрудилось множество чернорубашечников — толпа их непрерывно врывалась через высокія сводчатыя двери: потом юноша повернул в узкій коридорчик и открыл дверь какой то комнаты.

Браун вошел в комнату, дверь за ним тотчас же захлопнулась и ему показалось, что он остался один.

Однако нѣкоторое время спустя послѣ того, как он осмотрѣлся в этой огромной, свѣтлой, лишенной почти всякой обстановки комнатѣ, хлопнула вторая дверь и вошел огромнаго роста чернорубашечник с мрачным, мертвым взглядом.

Человек был весь увѣшан лентами и медалями. На лицѣ его красовалась печать Пруссіи — нѣсколько перекрещенных сабельных рубцов.

Северин Браун как то инстинктивно щелкнул каблуками.

— Хэйль Гитлер! — произнес он. Он быстро научился произносить это при-
вѣтствіе особенным, лающим тоном.

— Хэйль Гитлер! — отвѣтил началь-
ник не поднимая руки в отвѣт. — Садитесь. —

Он указал Брауну на простой сос-
новый стул стоявшій у стѣны. Браун сѣл
чувствуя, что на лбу у него выступает холод
ный пот.

— Северин Браун! — прямо при-
ступил к дѣлу господин Халлер. — Вы за-
душили в Вѣнѣ доктора Карла Моллера?

— Я бы снова убил его, — быстро
отвѣтил Браун привставая. —

— Хэйль Гитлер! —

— Значит вам нравится убивать? —
спросил начальник.

— Я буду опять убивать.

— Очень хорошо. Вам может пред-
ставиться этот случай снова.

— Вы хотите сказать?

Тут Северин Браун почувствовал,
что язык у него начинает распухать, а же-
лудок поднимается к самому горлу.

Что за чудовищные планы на его счет
были у этого человѣка? Почему он играет
с ним? Он опредѣленно играет. И все же.

— Послушайте Северин Браун, — твер

до продолжал начальник. — Нам нужны такіе
люди, как вы. Люди которые не боятся убійст
ва. Мы знаем всю вашу подноготную.

Халлер наклонил голову над столом
и расширившіеся глаза Брауна увидѣли зна
комый документ.

Это был доклад Линцакого госпиталя.

— Святый Боже — эти чернорубашеч
ники умѣют докопаться до всего.

Теперь Браун ломал себѣ голову над
тѣм, что еще они могли знать о его прошлом,
о том прошлом которое не было извѣстно
ему самому.

— Вы уже продемонстрировали спо-
собность ваших рук, — продолжал начальник
с дѣланной улыбкой. — что еще вы умѣете?

— Что именно вам угодно —

— Вы умѣете стрѣлять?

— Из винтовки умѣю.

— Вы умѣете обращаться с кинжа-
лом?

— Да, — отвѣтил Браун помедлив. Он
не владѣл кинжалом, но рѣшил, что на прак-
тиковаться в этом — дѣло нетрудное.

— Очень хорошо, — кивнул головой
начальник. — Мы можем найти для вас
мѣсто в особом отдѣлѣ Тайной Службы.

— Ах вот что, — невольно выдох-
нул Браун.

Начальник просіял.

— Вы конечно слышали о наших

талантливых юношах? —

— Кто о них не слышал? —

— Вам очень посчастливилось, — полупшепотом произнес Халлер. — Вы можете попасть в нашу маленькую группу. —

И осмотрѣвъ внимательно Брауна еще раз, с головы до ног добавил:

— Несмотря на ваш возраст. —

Браун слегка вздрогнул, что нѣсколько удивило начальника. Он еще не разу не видѣл рекрута, на котораго подобный разговор производил такое сильное впечатлѣніе.

— Я готов рискнуть своей жизнью — откликнулся Браун — для того только, что бы быть ближе к Фюреру.

— А вам иногда придется рискнуть жизнью, — важно сказал начальник. — Охранник всегда должен находиться между фюрером и тѣми, кто покушается на его жизнь. Покушеній было уже много и если бы его тѣлохранитель не был достаточно быстр и ловок...

— Великій Боже! Сотни людей защищают жизнь фюрера и только один дѣйствительно защищает по настоящему его жизнь.

Начальник повернулся и снова взглянул на двери:

— Возвращайтесь назад — рѣзко сказал он. — И ожидайте дальнѣйших приказаній!

— Меня могут принять сегодня же — с надеждой произнес Браун.

— Возможно. Мы испробуем сначала, как вы стрѣляете. А там посмотрим. Хэйль Гитлер!

— Хэйль Гитлер! —

Северин Браун медленно поднялся назад к себѣ во второй этаж.

Так вот почему он им понадобился. Потому что он убил челоуѣка.

Его поставили в разряд профессиональных убійц, из него сдѣлали профессионала, для котораго чужая жизнь не дороже булыжника.

— Хэйль Гитлер! —

И в Берлин его привезли именно потому, что здѣсь у него не было ни одной знакомой души, ни одного знакомаго лица которое как то могло бы повліять на него, согрѣть его, для того чтобы здѣсь он мог убивать совершенно хладнокровно.

Это был старый нацистскій трюк. Они никогда не пускали людей в тѣ мѣста, гдѣ им приходилось бы разрушать и грабить свои собственные дома, свои собственные родные мѣста. Штурмовиков постоянно перебрасывали с мѣста на мѣсто и ни один из них никогда не мог бы прочесть слова упрека в глазах бывшаго сородича или сосѣда.

Таким образом чувства сами собой

исключались из нацистского кодекса.

Итак — его Брауна, предназначали к тому, что бы убивать людей.

Прекрасно они это хотят — они это получают.

Северин Браун будет убивать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ум Северина Брауна быстро окунулся до самого дна в новую нацистскую культуру.

Погружение это было настолько глубоко и настолько резко, что не допускало и тени какой то жалости, ужаса или стыда.

Вместо псалмов здѣсь слышался только ружейный треск. Вместо молитвы — были мольбы обреченных людей.

А самым главным в этой черной мессѣ были острые, рѣжущие слова:

— На изготовку! Цѣлься! Пли!

Все это началось на слѣдующее же утро, послѣ прибытія Брауна в казармы, гдѣ он был разбужен в пять часов утра резким стуком в желѣзную дверь.

Он быстро одѣлся, как ему было приказано, натянул на себя новую черную рубашку, твердые, словно накрахмаленные штаны, блестящие сапоги.

Все это показалось ему так просто и естественно.

Вчера еще он был арестованным, который самым фактом своего существованія вредил государству, сегодня — спасенным

под сѣнью того самого темнаго плаща, который он так боялся и презирал.

Затѣм он выпрыгнул из комнаты и в течение нѣскольких холодных и безстрастных минут стоял так, ожидая пока в корридор вошла шеренга людей в таких же черных рубашках. Их было всего двѣнадцать человек и двое из них были такіе же новички, как он сам, тихіе и молчаливые.

— Ну, как дѣла новичек? — сказал ему кто-то из этих людей. — Кофе еще не перелилось через край?

— Ни капельки, — быстро отвѣтил он.

Но возможно, что это было еще впереди.

В самом дѣлѣ, как можно считать убійство, каким то патриотическим праздником, когда всѣ эти убитые могли быть старыми знакомыми людьми, говорившими на том же самом нѣмецком языкѣ, людьми которые еще так недавно весело пѣли и смѣялись на родной германской землѣ; людьми, которые не просили ничего кромѣ права говорить и думать, так, как это им захочется.

Небо было сплошь сѣрое. Дул мокрый вѣтер, когда команда разсѣлась по неизбежным мерседесам и отправилась к мѣсту назначенія.

Они проѣхали нѣсколько миль по ти-

хому еще городу, переѣхали западную границу его и оказались в предмѣстьи.

Это был Лихтерфельде: Браун слабо помнил это мѣсто.

Здѣсь, нѣсколько десятков лѣт тому назад Германия подготавливала кадры офицеров для своей армии: кадетскій корпус, существовавшій в тѣ времена был гордостью страны.

Теперь залы корпуса давным давно покрылись грязью, а его учебные плацы служили бойнями, на которых предавались смерти свои же германцы.

Было еще холодно, когда страд черно-рубашечников вѣхал в массивные ворота. Люди быстро выскочили из автомобилей и быстрым шагом прошли через мокрый еще утренней росой двор. Тут каждый занял свой пост, а адъютант, принесшій оружіе, обратился к ним с обычным привѣтствіем:

— Хэйль Гитлер!

— Хэйль Гитлер! — выкрикнуло двѣнадцать глоток.

— Я даю каждому из вас ружье, — продолжал адъютант. — Но только одиннадцать из них заряжено. Один из вас будет стрѣлять холостыми патронами.

Губы Северина Брауна слегка изогнулись в усмѣшкѣ.

Зачѣм пытаться обманывать чью то совѣсть перед уже раскрытыми безчислен-

ными могилами.

Послѣ каждого залпа вам будут выдаваться новые ружья, — продолжал адьютант. — Вы будете молчать. Вы будете стрѣлять по командѣ. Вы будете цѣлиться в сердце или в голову!

— Было бы жалко, — добавил он с легким маленьким смѣшком, — не попасть в нужную точку.

Так поднялся черный занавѣс спектакля смерти.

Мишени вышли из ближайшей двери. Эти блѣдные, изможденные существа машинально выходили одно за другим, как привидѣнія.

— На изготовку!

— Цѣлься!

— Пли!

Мишени как скошенные повалились на землю, словно это была мягкая подушка, на которой онѣ могли наконец то отдохнуть от своих страданій.

— На изготовку! Цѣлься! Пли!

Нѣкоторые из жертв пробовали в послѣднюю минуту жизни проклинать фюрера, но очередная пуля быстро прекращала эти проклятія.

— На изготовку! Цѣлься! Пли!

Горячій красный ручеек медленно катился по землѣ.

Свѣжій, сырой запах крови уже чув-

ствовался в воздухѣ. Он дошел до мозга Северина Брауна, охватил этот уже большой мозг и закружившись вокруг него завладел им цѣликом.

Северин Браун почувствовал, что ненавидит уже этих дрожащих, напуганных людей, стоящих под дулом его ружья.

Они могли быть врагами Рейха на самом дѣлѣ. Почему нѣтъ?

Их немигающіе от страха глаза были цѣлью. Цѣлью были скорбные рты. Долой все это!

Человѣкъ стоящій около отдает приказ. Дуло ружья существует для того чтобы убивать.

— На изготовку! Цѣлься! Пли!

Послѣ каждого залпа тѣла убитых стаскивались в одну кучу и потом бросались в один огромный костер.

Тяжелый удушливый запах горѣлаго человѣческаго мяса висѣл над Лихтерфельде, как дыханіе чумы и напуганные жители предмѣстья закрывали окна и сердца для того, чтобы не чувствовать этого запаха, не слышать гула выстрѣлов.

А когда все было окончено, чернору-башечники разсыпали золу от этих смѣшавшихся тѣл по ящикам, которые были потом разосланы по осиротѣвшим домам.

Но не всегда эти процедуры проходили гладко.

В то утро, когда Северин Браун впервые надѣл свою черную рубашку произошёл казус весьма характерный для нацистского стиля работы.

Браун только что опустил дуло ружья послѣ произведеннаго выстрѣла, как у ворот раздался рѣзкій визг остановившегося мерседеса.

С передняго сидѣнья машины спрыгнул человекъ с коротко подстриженными усами и побѣжал к плацу. Когда он отдавал салют адыютанту, всѣ его медали зазвенѣли.

— У васъ есть в спискѣ человекъ по имени Вильгельм Шталь? — рѣзко спросил прибывшій.

— Одну минуту господин Знаменосец! — сказал адыютант нервно проводя по листу. — Да есть. Но...

— В чемъ заключалось его преступленіе? — нетерпѣливо продолжал знаменосец.

— Он... он пересылал за границу деньги... Он вполнѣ заслужил свою кару.

— Кару? Вы хотите сказать?

— Да, — пожал плечами адыютант. — Он былъ расстрѣлян час тому назад.

Лицо знаменосца покрылось багровым румянцемъ.

— Ах, Боже мой! — воскликнул он.

— Какая ужасная неприятность!

— Но человекъ этотъ былъ осужден к

расстрѣлу вчера ночью. Я былъ на судѣ. Он былъ виновен.

— Он имѣл защитника?

Лицо адыютанта искажилось недовольной гримасой.

— Но... но господин знаменосец, вы вѣдь знаете, какъ происходятъ эти суды?

Это прибывшій знал.

— Да, да, конечно. Но неужели сам Шталь ничего не сказалъ в свою защиту?

— Чортъ побери! Ему было приказано замолчать. Генерал Герингъ приказалъ вывести его.

— Генерал?

— Да, онъ былъ судьей. Но господин знаменосец... Я не понимаю... Развѣ тутъ есть какая нибудь ошибка?

— Есть, — горестно воскликнул офицер. — Вы расстрѣляли не того Шталя.

— Господи!

— И это очень жаль. Онъ былъ прекраснымъ партійцемъ!

Адыютантъ снялъ фуражку, вытеръ козырек, потомъ снова надѣл ее.

— Хорошо. Что же мы будемъ дѣлать?

— У васъ остался прахъ?

— Конечно!

— Нужно сдѣлать что-нибудь для семьи убитаго. Я придумал. Вмѣсто того что бы посылать прахъ по почтѣ, кто-нибудь от-

везет его лично с официальным выражением нашего сожаления.

— А как насчет цветов? — улыбнулся адъютант.

— Цветы обязательно надо!

Оба офицера перемигнулись, а чернорубашечники захохотали. Некоторое время они хохотали так, что у многих слезы выступили на глазах.

И сам Северин Браун также хохотал, как будто дело шло о какомнибудь маленьком неуклюжем жесте, о штанах, упавших посреди улицы или о человеке, свалившемся в лужу в праздничной одежде.

Он смеялся даже громче других над этим блдным Вильгельмом Шталем, который был разстрелян по ошибке.

Он так трясся от смеха, что адъютант окликнул его и приказал:

— Вы возьмете прах, отвезете его доброй женщине и передадите ей что мы очень сожалеем о случившемся.

— Да, — вскабился один из штурмовиков. — А крематорий представит ей потом счет за двух разстрелянных.

— Я скажу ей все, что надо, — сказал Браун. — И я уже позабочусь о цветах.

Потом Северина Брауна с золой в картонной коробке отвезли на квартиру покойного Вильгельма Шталя.

Это дало ему возможность заглянуть

глубоко в глаза Германии и то, что он увидел в этих глазах было страшно полно скорби и затаенного гнева.

Он заранее заготовил маленькую речку. Он собирался потом рассказать обо всем этом в казарме и посмеяться опять со своими новыми товарищами.

Но разве можно разговаривать с женщиной в трауре, взгляд которой исполнен жалости и презрения, от которой идет такая струя волны ненависти, что кровь стынет в жилах.

Оказавшись лицом к лицу с этой женщиной он почувствовал себя ослабшим прежде, чем она вырвала у него из рук цветы и швырнула их ему в лицо.

Блдный, спотыкаясь, он сбжал по лестнице вниз и почти упал в автомобиль, а г-жа Шталь начала истерически кричать.

Отъехав некоторое расстояние он пришел в себя и смог собраться с мыслями.

Постепенно он успокоился, уговорив себя не беспечно попусту.

Что то глубоко в нем, как будто отмерло и с этим отмерло и беспокойство, связанное с гибелью Шталя.

Вильгельм Штадь был, конечно, просто дураком, которому здорово не повезло... И потому самое лучшее для него было, конечно, умереть...

Его разстреляли... Так ему и надо.

Его конечно убила пуля Северина Брауна.

Но, конечно, он приехал в Берлин, вовсе не затѣм, чтобы убивать Вильгельмов Шталей. Тут было что-то, что-то весьма значительное.

Да, — убить Гитлера! Гитлер вѣдь создатель всего этого... убить надо Гитлера!

**

Солнце уже просунуло свои тонкіе красноватые пальцы в узкіе стекла окна казарменной комнаты, когда проснулся Северин Браун.

Он вернулся домой — теперь это был его дом — иѣсколько часов тому назад. Адьютант, по возвращеніи, дал всему отряду отпуск на цѣлый день.

Северин Браун сразу же отправился спать. Он ощущал страшную усталость, она проникала буквально воѣ поры его существа.

Браун знал теперь только одно: он безудержно шагает к пропасти, в которую ему рано или поздно придется прыгнуть.

Он чувствовал, что сколько бы он ни притворялся, сколько бы он ни старался играть свою роль, настанет день — и это будет очень скоро, когда нацистская болѣзнь распространится и на него, и тогда он станет таким же бездушным автоматом как и его товарищи.

Иначе быть не может.

Ни один, сколько нибудь чувствительный мозг не может выносить безконечно таких испытаний.

Если бы только поскорѣе настал заветный день!...

Но пока предстояло пережить еще завтра и много послѣдующих завтра.

Ему придется разстрѣливать еще не один раз.

Ему придется убивать мужчин и женщин в их собственных домах.

Ему придется сжигать книги, грабить магазины, шпионить за своими товарищами, захватывать имущество.

Ему придется выискивать на улицах гомосексуалистов, людей, ненужных обществу, потому что они не производят потомства.

Ему будут приказывать доносить о том, что говорят обыватели, вынюхивая измѣну. Его заставят участвовать в погромах и путчах и воѣх других преступлениях, совершаемых агентами Тайной Службы.

Их начальник Химмлер заповѣдал им:

— Можете убивать любого, кто говорит обидныя для нас рѣчи и не бойтесь никакого взысканія.

Он должен продѣлывать все это. Он должен исполнять все, без малѣйшаго уклоненія от приказа, так как его могут выслѣдить, прочесть правду в движеніи его глаз, в

изгибъ его губ.

И тогда в один прекрасный день его отвезут опять в Лихтерфельде и, как всегда, у отряда будет одиннадцать заряженных ружей, а одно с холостым патроном.

А адъютант, перед тѣм как отдать последнюю команду, скажет:

— Хорошій парень был этот Браун, но он совершил проступок. Ну что ж!..

Браун думал только о том, сможет ли он встрѣтить смерть без страха и достаточно-ли крови осталось в его жилах для того, чтобы спокойно все это перенести.

Северин Браун взглянул на часы.

Было пять.

Он встал с койки, одѣлся, подошел к окну в которое вливался вечерній воздух.

Посмотрѣл в зеркало; остался доволен своим отраженіем. Теперь он — чернорубашечник. В концѣ концов не так уж плохо быть чернорубашечником.

Будучи чернорубашечником, вы можете спокойно разгуливать по улицам и всѣ встрѣчные будут вам улыбаться. Они будут улыбаться вам до тѣх пор, пока вы не обернетесь к ним спиной...

Они вѣдь не могут знать о том, что этот чернорубашечник — их друг... Он никогда не сможет никому рассказать, что сегодня, послѣ возвращенія с плаца, гдѣ он убил дюжину людей, у него была страшнѣй-

шая рвота.

Но этого нельзя себѣ позволять. У Северина Брауна больше не может быть рвоты.

Теперь он был окончательно посвящен... Конечно чернорубашечников специально тренируют таким образом, чтобы выкорчевать у них всю душу. В этом отношеніи они не похожи ни на солдат Рейхсвера, ни вообще на каких бы то ни было солдат. Солдатам вѣдь когда то приказывали вытаскивать из горящих домов еврейских женщин. Их дисциплина была дисциплиной слабых.

Люди в коричневых и в черных рубашках должны быть сдѣланы из совершенно другого матеріала. Их набрали отовсюду, — с ферм, из магазинов, из контор. Им открыли красоту и сладость власти, им дали оружіе, внушающее другим ужас: "Хэйль Гитлер!"

— Боже мой! Боже мой! — неожиданно воскликнул Северин Браун.

— О чем это я думаю?

И тут же тайный голос прошептал ему:

— Теперь ты наши... наци!..

Северин Браун подошел к окну и стал жадно глотать воздух.

Тут он однако сообразил, что стоит перед окном казармы и что внизу под окном толпятся чернорубашечники, которые входят

и выходят из огромного здания и как потоки крови, пульсирующей в организм.

Он отошел от окна и поторопился выйти на улицу.

Он шел быстрым твердым шагом.

В теченіи нѣскольких часов шагал он по широким улицам. Он увидѣл много интереснаго... напримѣр выѣски нѣкоторых магазинов на Фридрихштрассе, вроде:

— Теперь арийское предприятие.

Каждый покупатель должен был заключить из этого что теперь еврей не имѣют никакого отношенія к данному магазину и что в нем значит можно спокойно покупать.

Он видѣл нѣкогда красивую Вильгельмшан, на которой нацисты вырубали всѣ деревья, для того чтобы народ мог любоваться фюрером в то время, когда он произносит свои рѣчи с балкона старого канцлерства.

Он видѣл витрины книжных лавок заваленныя книгами с надписью:

Адольф Гитлер — "Моя Борьба".

Теперь это была самая ходкая книга.

Эта нацистская книга буквально царилла у всѣх книгопродавцев, которые украшали ее рамкой из лавровых листьев и всячески расхваливали своим покупателям.

— Вполнѣ понятно, — подумал Северин Браун, — что эта книга имѣет теперь такой колоссальный спрос. Семья, в которой нѣт этой книги, будет чувствовать себя далеко не пріятно в случаѣ неожиданнаго визита чернорубашечников.

Он шел по площадям и улицам, носившим теперь новые, многозначительныя названія:

Адольф — Гитлер — Плац.

— Вильгельм - Геринг - Штрассе.

Он проходил мимо музеев и библиотек, раскраденныя сокровища которых украшали теперь дома нацистов.

Он видѣл газетные кіоски, в которых продавались газеты Геббельса, газета Гитлера, газеты других нацистских лидеров.

Он видѣл дѣтишек возвращавшихся с митингов — маленьких автоматов в коричневых рубашках, которые уже умѣли выкрикивать: — Хейль!

Он видѣл церкви, священники которых сидѣли теперь по концентраціонным лагерям.

Он видѣл весь Берлин, этот жуткій, чужой город, который мог говорить только о печальных вещах.

Утомленный, он вернулся в казармы забыться тяжелым, безпокойным сном.

**

Мѣсяцы катились медленно, и посте-

ленно мозг Северина Брауна стал альбомом гитлеровских, фотографических карточек.

Тощий Фриц Рейнер, служивший в том же отрядѣ, рассказал ему о нѣскольких покушениях на жизнь фюрера.

— Один из заговорщиков был Юлий Шрек, шоффер, заслуженный партизед. Он выстрѣлил Гитлеру в руку. Никто больше никогда не видѣл его.

Другой был пилот Куммер, которому пришла в голову дерзкая мысль поднять фюрера на огромную высоту и сбросить его оттуда вниз.

Говорили, что фюрер прочел намѣреніе пилота в его глазах и отказался летѣть в тот день. Это был конец Куммера.

Был еще крестьянин из Москрейна, который бросил вилами в автомобиль фюрера и банкир из Мюнхена который плохо стрѣлял из револьвера.

Неужели этот Гитлер был заколдованным человеком, который никак не мог умереть?

— Фюрер узнает, когда настанет его час — сказал Фриц. — Он всегда знает о предназначающих судьбы.

Этот Фриц был настоящим нацистом, вѣрившим во всякую чепуху.

Они сидѣли вдвоем в мрачном, казарменном помѣщеніи, в один из тѣх безконечных вечеров, когда кажется что бесѣда помогает сокращать время, медленно передви-

гаемое пальцами часов.

— Скажи мнѣ Фриц, — спросил Браун. — Как он все это узнает?

Фриц снисходительно улыбнулся, как будто дѣло шло о чем-то совершенно пустячном.

— Очень просто. Ему скажет об этом баронесса Рук.

— А кто она такая?

— Ах ты развѣ не знаешь? — Лицо Фрица тут приняло огорченное выраженіе.

— Конечно нѣтъ. Мы вѣдь живя в Вѣнѣ мало что знали.

— Да, правда, я забыл об этом! — кивнул головой Фриц. — Затѣм он откинулся на стулѣ к выбѣленной стѣнѣ и стал вертѣть костлявыми пальцами сигарету.

— Дѣло вот в чем Северин, — начал он. — Много лѣтъ тому назад, до того, как раздался великій призыв, фюрер работал в одном замкѣ в Силезіи. Однажды он поранил себѣ руку топором и хозяйка замка вышла перевязать ему рану. Она посмотрѣла на его руку и в ее глазах появилось странное выраженіе.

— Я не знаю кто вы такой, — сказала она, — но настанет день когда вы выведете Германію из ее нынѣшняго состоянія на путь славы.

— Это и была баронесса Рук?

— Да, она умѣет угадывать судьбу

человѣка по линиям ладони и по чертам лица. В Силезіи это многіе умѣют.

— Теперь она живет в Берлинѣ?

— Да! Фюрер не забыл, того что она ему сказала. Он вызвал ее к себѣ, когда Гинденбург сдѣлал его канцлером. С тѣх пор он ни разу еще ничего не дѣлал без ея совѣта, а она еще никогда не ошибалась.

— Поразительно! — выдохнул Браун.

— И божественно! — горячо отвѣтил Фриш.

Но Северин Браун несмотря на свою форму чернорубашечника, все же считал, что это было болѣе удивительно, чѣм божественно.

Итак он находился в сферѣ дѣйствій фанатика, который не будучи в состояніи управлять сам своими дикими эмоціями обратился за помощью к астральному міру.

Северину Брауну стало невыразимо горько при мысли о том, что может быть женщина незримо сидящая позади трона Гитлера и подсказывающая ему всѣ его дѣйствія... что судьбы Германіи могут рѣшаться в зависимости от того или иного предсказанія вздорной гадалки.

Как мог здравомыслящій человѣкъ править страной при таких условіях?

Но был ли Гитлер здравомыслящим, был ли он нормальным?

Память Северина Брауна обратилась

к далекому Штейнгофу, гдѣ когда то работал доктор Моллер и гдѣ были пациенты, излѣчить которых нельзя было никакими средствами.

Эти параноики, страдавшіе маніей величія, неспособные переносить ни малѣйшаго ущемленія своего самолюбія, люди суевѣрные, люди готовые в любой момент разразиться слезами, — именно они ближе всего подходили по типу к Гитлеру.

Это были безполые существа, находившіеся большую часть времени в угнетенном состояніи духа, весьма неустойчивые, но с садическими наклонностями, с воинственным характером, с жаждой власти и крови. Таковы были Наполеон, Цезарь, Чингиз-Хан и таков же был, повидимому, Гитлер.

Да, каждый из тѣх пациентов был в своем родѣ Гитлером.

— О как слѣвы люди!

Всего восемь лѣтъ тому назад, один блестящій ученый писал:

— Гитлер совершенно не импозантная фигура. Он, выглядит, как моравскій коммивояжер, носит усы под Чарли Чаплина и имѣет совершенно пустое лицо. Люди никогда не будут поддерживать такую патентованную глупость, как гитлеризм.

Патентованная глупость!

Какой страшной ироніей звучат теперь эти слова, теперь, когда кладбища ле-

реполюются могилами, когда ломается хребет нации.

Северин Браун находил все больше и больше причин к совершению того, что он замыслил.

Ради этого он уже потерял свое имя. Ради этого же он потерял свою совесть и свою душу. Он был теперь только орудием.

— Фриц! — неожиданно сказал он, — Фюрер вѣроятно имѣет прекрасную охрану на случай таких покушений?

— Ну, конечно. Гитлера окружает специальный отряд — это элита всего Шутц-шаффеля. Развѣ ты никогда не замѣчал, как они окружают фюрера во время его выступлений, как они смотрят вокруг, как они непрерывно наблюдают за всѣми?

— Я никогда не видѣл фюрера, — сказал Браун извиняющимся тоном.

— Мнѣ очень жаль тебя Северин. Но, я надѣюсь, ты скоро увидишь его. Вот, если бы тебя назначили в его личную охрану.

— Я бы отдал за это мою правую руку.

— Ну ты сможешь потерять много больше, — засмѣялся Фриц. — Если ктонибудь стрѣляет или бросает бомбу, охранник погибает первым. Вѣдь слишком близко к фюреру не подпускают никого.

— А эти фильмы, которые показываются всюду..... гдѣ мы видим его окружен-

ным женщинами и дѣтьми?

— О, это! — Фриц улыбнулся во весь рот. — Это все конечно только для пропаганды. Во-первых, сначала охрана обыскивает женщин. Обыскивают вообще всѣх, кто снимается вмѣстѣ с фюрером. А из кино-съемщиков к фюреру разрѣшают приближаться с камерой только одному человеку.

— Кто это?

— Генрих Гоффман, — отвѣтил Фриц. — Возможно ты встрѣтишь его когда нибудь. Очень мало людей знают о том, что он ближайший друг фюрера, единственный человек, которому тот вполне доверяет.

— Фриц! ты знаешь все! — с восхищеніем воскликнул Браун.

Чернорубашечник наклонился вперед своей огромной фигурой и таинственно зашептал:

— Я знал Гоффмана, когда он был всего на всего фотографом мюнхенской газеты. Он был дружен с фюрером еще до путча. Теперь он очень богат благодаря тѣм сотням тысяч фильмов, на которые он заснял фюрера.

Северин Браун прошелся по комнатам и вытащил трубку из внутреннего кармана своей темной тужурки.

— Фриц! тебѣ слѣдовало бы быть в личной охранѣ фюрера! — сказал он.

Бѣлокурыя брови Фрица рѣзко взмет-

нулись вверх и он обдал товарища долгим взглядом.

— Есть две причины, — сказал он вѣско, — по которым я не вступаю туда. Во-первых, — это очень вредно отражается на здоровьи.

— Ты хочешь сказать опасная служба?

— Больше чѣм это. Я хочу сказать, что очень нездорово жить в тѣсном общеніи с сотней людей. Вѣсть, спать, гулять с ними. Бояться их тѣней. Они вѣдь только — номера, которые не имѣют права имѣть каких нибудь собственных мыслей. Они наблюдают все время за фюрером, а за ними наблюдает в свою очередь секретная полиція. Но, даже если бы кто нибудь из них и захотѣл убить фюрера.... Тут Фриц помолчал, словно испуганный дерзостью своего выраженія и даже перекрестился...

— Даже если бы кому нибудь и пришла в голову такая мысль, то она немедленно отразилась бы на его лицѣ, в его глазах. И тогда... тогда... оказалось бы только одним тѣлохранителем меньше.

Северин Браун глубоко затянулся трубкой... голубоватый дымок поднявшись в воздух причудливо закружился... также кружились его мысли.

Эта психологія страха и подозрѣнія — о! он знал ее слишком хорошо.

— А какая у тебя вторая причина? — громко спросил он.

Фриц Рейнер инстинктивно покосился на дверь и на открытое окно и тихо произнес:

— Вторая заключается в том, что даже я могу пригодиться в... дублеры.

— Дублеры?

Значит в самом дѣлѣ есть люди, которые дублируют Гитлера.

Он слышал уже об этом. Кто то говорил ему, что у фюрера было четыре дублера, что эти люди похожіе на него по внѣшности, умѣющие говорить также как он, часто замѣщают его во время публичных церемоній.

Северин Браун кивнул головой в знак того, что ему все понятно, но тут же для большей безопасности произнес:

— Хэйль Гитлер!

— Кто эти дублеры? — спросил Браун.

— Обычно их набирают из состава той же тайной полиціи, — отвѣтил Фриц. — Теперь он был немного напуган тѣм, что так разболтался, но язык у него горѣл.

Браун внимательно слѣдил за лицом товарища, наблюдая как кровь отливает от его лица.

— Ну, что же — замѣтил он, — я все же надѣюсь, что мнѣ удастся когда ни-

будь увидѣть самого фюрера.

Фриц улыбнулся. Опасенія на счет товарища у него уже видимо разсѣялись.

— Это очень не трудно устроить, — сказал он. — Ты можешь видѣть его почти каждый день в Кайзергофѣ. Он обычно пьет там чай.

— Но, я полагал, что он не рискует появляться в публикѣ?

— Тут как раз нѣтъ никакого риска. Кайзергоф совершенно безопасное мѣсто. Ты увидишь сам, что я имѣю ввиду. Но уже кажется поздно?

— Да, поздно, — согласился Браун. — Спокойной ночи Фриц. Хэйль Гитлер!

— Спокойной ночи. Хэйль Гитлер!

Тут чернорубашечник потянулся, зѣвнул и поглядѣлъ на дверь.

— Северин! — сказал он вдруг, задерживаясь на порогѣ. — Ни одного слова об этом кому бы то ни было... неправда ли?

Браун улыбнулся и покачал головой.

— Не беспокойся. Я уже забыл, что ты мнѣ сказал.

Дверь закрылась за Фрицем Рейнером, а Северин Браун тяжело опустился на свою кровать, охваченный неимоверным возбужденіем.

Итак, он не напрасно провел все это время. Он все-таки кое-что узнал. Теперь у него было три завѣтных желанія, три вещи

которыя он был обязан выполнить во что бы то ни стало, а именно:

Отправиться в Кайзергоф... Попастъ в особый отряд тайной полиціи дублером Гитлера...

Первое было легко. Вторыя же двѣ задачи были неимоверной трудности и Северин Браун ломал себѣ голову над тѣм, как их разрѣшить.

**

Случай представился нѣсколько дней спустя.

Северин Браун шел по Унтер ден Линден к Бранденбургским воротам.

Он задержался у края огромнаго, зеленого лѣса Тиргартена, а потом повернул на историческую Вильгельмштрассе.

Здѣсь жили когда то короли, потом императоры, а теперь стариныя, сѣрые, каменные дома печально смотрѣли на призракъ величія которое уже никогда не воскреснет.

Но зато сердце партіи здѣсь билось как живое и толпа на улицах была живой, а не призрачной.

Когда Браун медленным шагом пересѣкалъ огромную Вильгельмплац, ему почудилось, что окна нацистских учреждений были тысячью глаз внимательно на него смотрѣвших и старавшихся проникнуть в глубину его мыслей.

С правой стороны от Брауна был дом

канцлерства с высоким балконом, с которого часто говорил Гитлер.

Браун сразу же заметил, что план этого здания был рассчитан так, чтобы отбить охоту на покушение у самого, отважного злоумышленника. Баллюстрада балкона была настолько высока, что открывала только голову и плечи фюрера и нужно было бы найти нового Вильгельма Телля для того, чтобы суметь нацелиться в человека, стоящего за этой баллюстрадой.

Но и в этом случае перед убийцей стояло бы затруднение, так как ему некуда было бы спрятаться.

Все окна, выходящие на площадь, были под охраной нацистов, а в те дни, когда выступал фюрер, вся канцелярская работа в этих комнатах прекращалась и их занимали чернорубашечники.

А огромная площадь в это время оцеплялась желѣзным кольцом.

Чернорубашечники стояли у входа в здание, чернорубашечники стояли полукругом под балконом, с глазами устремленными на окна. А само восторженное население было густо пересыпано членами Гестапо, передѣтыми в штатские чинами полиции и просто шпионами, которые безпрестанно двигались, подслушивали и выслеживали измену.

Теперь Вильгельмплац был пуст. Перейдя площадь по диагонали Северин Браун

направился к Кайзергофу. Огромный отель затаился в своем углу, мрачный и хмурый, как вдовствующая королева, недовольная тем, что ее дѣти не уважают больше ее воли.

Это здание, видѣвшее некогда в своих стѣнах Гогенцоллернов, стало теперь буржуазным гнездом нацистов. По его просторным залам шагал теперь бывший маляр, в сопровождении своей загнившизированной свиты.

Вестибюль показался Брауну слишком шумным тут стояла толкотня. Но говор и смѣх, которые он услышал исходили не от гостей. Наметанным взглядом Браун сразу различил в этих людях чернорубашечников и агентов Гестапо. Некоторых он узнал, вѣжливо им поклонился и прошел мимо конторки в чайный салон.

— Хэйль Гитлер! — сказал он мейр д'отелю. — Миѣ нужен столик. Я хотѣл бы занять вот тот.

— Хэйль Гитлер! — откликнулся тот. — К сожалѣнію этот стол резервирован, но я могу предложить вам другой. Сюда пожалуйста!

Северин Браун слегка вздрогнул и отправился велѣд за кельнером через всю залу. В залѣ стоял тонкій гул от голосов.

Он почувствовал на своей спинѣ чей то

взгляд, обернулся и увидѣл одиноко сидящую женщину.

Она улыбнулась ему автоматической улыбкой.

Вдруг Северин Браун почувствовал нечто вроде электрическаго тока пронизавшего все его тѣло. Северин Браун увидѣл "Его".

Фюрер склонился над своим столом в темном углу зала. Мягкими женскими руками он гладил свои, точно отполированные черные волосы.

За столом фюрера сидѣл еще один человекъ, крѣпкій, как гранитная плита на могилѣ и почти такой же сѣрый и такой же квадратный.

Северин Браун невольно остановился. Мысли забили в его головѣ ключем, как зельгерская в откупоренной бутылкѣ.

Но почему никто из присутствующих не обращал никакого вниманія на этого человека с такими блестящими волосами... только бриллиантин мог придать такой блеск. Это уже было безусловно не дублер.

Никто в мирѣ не смог бы поддѣлать этих таинственных, месмерическихъ глаз... Это ничего не значило, что он был здѣсь в неофициальной обстановкѣ; он все равно дѣйствовал угнетающе... Никто не мог чувствовать себя спокойно в присутствіи этой странной, нервной машины с человѣческими усами, с

голосом который никогда не говорил, а всегда декламировал.

Северин Браун настолько забылся, что поискал у себя на поясѣ ножа. И тут же вспомнил, что его нож остался вмѣстѣ с его формой в казармѣ.

Неожиданно над его ухом раздался голос кельнера:

— Лучше не смотрѣть. Фюрера это раздражает!

— Да, да, конечно!

Браун сѣл на указанное ему мѣсто и бросил взгляд на карточку.

— Чай пожалуйста. И тосты.

Кельнер записал заказ на блокнотѣ и повернулся, чтобы уходить, но Браун задержал его:

— Скажите, — спросил он улыбаясь.

— Фюрер здѣсь часто бывает?

— О да! — выдохнул кельнер.

— Это для вас вѣроятно большая честь?

— Конечно, — гордо улыбнулся кельнер. — Он прѣзжает сюда ѣсть Монструдель. Он сказал мнѣ один раз, что никто в Берлинѣ не умѣет готовить этот струдель, как кейзергофскій шеф-кулинар. Он говорил даже, — тут кельнер понизил голос до шопота, — что лучше даже в Вѣнѣ не готовят!

— В таком случаѣ вы должны гор-

даться!

— Мы и гордимся этим.

— Это с ним господин Гоффман?
наугад спросил Браун.

— Да... — прекраснѣйшій человек!
Кельнер снова поклонился и исчез.

А Северин Браун привлекаемый какой то странной тягой, которой он не мог преодолѣть обратил глаза на завѣтный угол, гдѣ сидѣл фюрер.

Но стол фюрера словно исчез. Перед глазами Брауна была только тяжелая, бѣлая мраморная колонна, каких было много в залѣ.

С минуту Браун не мог догадаться в чем дѣло — неужели фюрер уже ушел?

Но потом, слегка откинувшись на своем стулѣ вбок, он снова замѣтил этот стол.

Он еще раз оглядѣл комнату и увидѣл нѣчто интересное для себя.

Всѣ ближайшіе к колоннам столы были пусты — они очевидно были "резервированы" по стратегическим соображеніям.

За нѣкоторыми из этих столов сидѣли спокойные люди в темной одеждѣ. Почти у каждого из них правая рука была засунута в карман.

Теперь Северин Браун прекрасно понял на что намекал Фриц.

Ни один злоумышленник не смог бы сдѣлать движенія для того, чтобы подойти

к фюреру забаррикадированному колоннами, не будучи замѣченным агентами Гестапо.

Это еще больше убѣдило Северина Брауна в том, что в залѣ был настоящій фюрер.

Северину Брауну предстояло выполнить свою задачу в полном одиночествѣ. Но Северин Браун чувствовал, что он преодолѣет всѣ эти препятствія.

Он сидѣл за своим столом пил чай и размышлял над безуміем власти, окруженной подозрѣніями и ненавистью.

А что фактически нужно этому человеку с императорской с деспотической властью?

— Чашка чаю и кусок Монструделя!

И ради этого, цѣлый маскарад, с якобы веселящимися мужчинами и женщинами и недремлющей полиціей!

Этот человек мог забраться на свою виллу в Берхтесгаденѣ или спрятаться в другом своем убѣжищѣ, в фантастическом Адлерхорстѣ на утесѣ Кельштейн. Он мог завоевывать и грабить, — дѣлать с Рейхом все, что ему вздумается, но гдѣ бы он ни был, он мог только наблюдать за тѣм как живут другіе люди, не живя по настоящему сам.

Это навело Северина Брауна на мысль, что если Гитлер не будет уничтожен раньше, он в один прекрасный день сам уничтожит себя.

Он наблюдал за Гитлером. Он наблюдал за Гоффманом. Он изучал их также внимательно, как когда-то изучал нервную реакцию у морских свинок будучи еще студентом.

Вот через комнату прошла женщина — высокая золотоволосая, с полной упругой грудью налившейся как два зрѣлых плода под тонким шелком платья.

Генрих Гоффман окинул ее профессиональным взглядом и одобрил: его собственная жена "Тутти", тонкая и худощавая была однажды избрана королевой на конкурс красоты.

Адольф Гитлер что-то сказал своему другу, захихикал и заерзал на стульѣ.

Северин Браун, нѣтъ доктор Моллер, много раз наблюдал это странное замѣшательство у ненормальных в сексуальном отношении мужчин, когда они находились в присутствіи женщин.

Теперь Северин Браун опять понял, что мог подразумевать Фриц, когда говорил, что фюрер не любит смѣха в своем присутствіи.

Конечно, фюреру было гораздо пріятнѣе выслушивать только похвалы.

Северин Браун вспомнил теперь еще много всяких вещей о которых он слышал раньше.

Он вспомнил, как кто-то рассказывал о постоянном волненіи Геринга и Гёббельса,

пытавшихся найти своему вождю подругу.

Одно время у всѣх на виду была смуглая Лени Рифеншталь с глазами как звѣзды. Она забавляла фюрера до тѣх пор, пока не выяснилось, что тѣ же самые соблазнительные взгляды, которыми она обдавала фюрера, она расточала молодым спортсменам, участникам олимпийских игр.

Потом говорили о фрау Вагнер, которая однако отвергла предложение фюрера.

Потом была какая-то странная исторія с племянницей фюрера, молоденькой Гели, покончившей с собой.

Была и еще исторія с англичанкой Юнити Валькирией Мидфорд, которую одно время уже называли невѣстой фюрера.

Теперь Северин Браун знал, что какая бы женщина не стала женой фюрера, ея брачная жизнь была бы только фикціей.

Браун вспомнил также рассказы других чернорубашечников о том, что фюрер любит на своих приѣмах спаивать гостей и затѣм наблюдать, как они теряют контроль над собой...

О том, как он тратит баснословныя деньги на декорированіе своих комнат, а затѣм уродует их безобразными подушками, которая вышивает ему сестра...

... О том, как он декламировал на открытіи ресторана своего брата и распугал всѣх кліентов.

...О том, как он учился ораторскому искусству у актеров государственного театра и пользовался Брукнером для усовершенствования своих речей...

...О том, как во время некоторых своих публичных выступлений, он до того увлекался, что этот же самый Брукнер должен был держать его сзади... (эти кадры были потом вырваны из фильмов).

...О том, как он запретил своим согражданам бросать в него цветами из опасения, что в букетах могут быть спрятаны гранаты...

...О том, как он один раз чуть не упал в обморок на Олимпиаде, когда одна эксцентричная американка бросилась поцеловать его... (Фюрер вообразил, что она бросилась на него с ножом).

Всё эти маленькия истории сами по себе не имели никакой ценности, но будучи связанными в одно целое они приобретали известную значимость, для характеристики состояния разсудка фюрера.

Анализируя всю раскрывавшуюся перед ним картину Северин Браун невольно содрогался.

Он не мог не чувствовать, насколько он был мал для того, чтобы распутать этот страшный узел.

Больше того — он знал, что сам он давно уничтожен, что его нервы давно сто-

рби и умерли.

И все же в нем еще жило что-то, что не могло исчезнуть, что было необходимо для него и... для фюрера.

Северин Браун отодвинул чашку, оглядѣл осторожно зал и замѣтил, что Гитлер и Гоффман уже вышли.

Тогда он позвал кельнера, заплатил по счету и вышел на улицу.

Здѣсь он мог спокойно вздохнуть.

Вечерний воздух был прохладен и свѣж. Он приятно обрѣвал его разгоряченное лицо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наконец настала та незабываемая неделя, когда Северин Браун добился исполнения своего заветного желанія.

Он был назначен в особый отряд тѣлохранителей Гитлера.

Он разработал это повышенное неизмеримым усердіем, — усердіем работы.

Он шпионил и посылал доносы, в результатѣ которых безвинных людей послали на казнь.

Он избивал людей — мужчин и женщин, дѣтей и стариков.

Он сумѣл доказать всѣм, что умѣет убивать и не знает ни жалости ни пощады.

Новая жизнь его мало чѣм отличалась от старой.

Казарма была такая же голая и холодная, лица новых товарищей такіе же сѣрые и хмурые, с рѣдко улыбающимися глазами.

Здѣсь только было больше взаимнаго недоверія и боязни откровенности.

Это преложение еще усиливалось благодаря тому, что всѣ сто человѣкъ постоянно находились вмѣстѣ днем и ночью.

По временам Северин Браун жалѣлъ о том, что он знал о человѣческом разсудкѣ.

Как легко приручался этот разсудок, как быстро он превращался в слѣпое орудіе чужой воли. И как легко он поддавался навязчивым идеям.

По ночам, когда все было спокойно вокруг, нѣкоторые тѣлохранители слышали вдруг чей-то шопот, видѣли тѣни, взбиравшіяся по стѣнам.

Другіе слышали треск ружей, слышали крики и стоны умирающих людей.

То же самое было и с Брауном.

Иногда, преслѣдуемый во снѣ этими видѣніями, он вскакивал с постели и холодный пот катился по его лицу. Очнувшись, он обычно громко ругался, отгоняя богохульствами ложь кошмара.

Иногда ему становилось страшно за самого себя — до того обманывали его чувства.

Так, один раз днем, он увидѣл перед собой Грету в новой желтой шляпкѣ... услышал ея голос...

В другой раз к нему подошел тот настоящий Северин Браун и потребовал, чтобы ему возвратили его имя. Он хотѣлъ, чтобы это имя было с ним в могилѣ.

А вчера мимо него в кабинет Геринга прошел человѣкъ в черной с серебром формѣ, странно похожій на Эриха Францеля.

Браун так хотѣл оклигнуть его, прикоснуться к нему, почувствовать твердое пожатіе его руки — руки Эриха Францеля.

Но Эрих в формѣ... — как это надо было понять?

Тут он однако замѣтил двух переплетенных змѣй на плечах тужурки — значек военного врача.

Значит это был дѣйствительно Францель.

Эрих Францель, прибывшій в Берлин для позванія новой мудрости. Эрих с его молодым лицом и лимонно желтыми волосами. Почему он оказался здѣсь? Может быть за ним специально послали. Люди такого чисто арийскаго типа были особенно нужны.

И вдруг... Северин Браун неожиданно почувствовал насколько он был глуп.

То, что он видѣл, было лишь галлюцинаціей. Никакого Францеля перед ним не было.

Как долго можно переносить подобное состояніе?

**

Стоял прекрасный, весенній день.

С той бурной весны, когда произошел Аншлусс, прошел уже год.

Генерал Геринг отправил в казарму приказ о том, чтобы в Берлинскій государст-

венный театр прислали сорок человек из особаго отряда.

— В театр? Моих людей? — недобриво спросил начальник отряда, выслушав посланнаго.

— Генерал заявил, что это чрезвычайно важно.

— Может быть, — сказал начальник, — они хотят выставить настоящий взвод для сцены разстрѣла в "Тоскѣ"? А может быть они хотят, чтобы мы разыграли сценку из "Гензель и Гретель" и по настоящему сожгли вѣдьму? Конечно, еврейскую вѣдьму!

— Вы знаете, как относится генерал к театру, — замѣтил посланный. — Он способен созвать весь Рейхстаг, если это понадобится для спектакля.

— Но у меня здѣсь люди, а не петрушки! Впрочем, конечно, если генерал настаивает...

— Хорошо.

В два часа Северин Браун и тридцать девять его товарищей направлялись к огромному зданію бывшаго императорскаго театра на Жандармской площади.

В театрѣ их встрѣтил Густав Грюдгенс, тонкій верткій директор театра, который когда то долго учил Геринга искусству говорить зажигательныя рѣчи.

— Я очень рад видѣть вас здѣсь друзья мои, — сказал он. — Всегда приятно видѣть

чернорубашечников — людей с чистой совестью.

Один из людей фыркнул — дисциплина начинала уже слегка трещать... несколько других молодцов улыбнулись.

— Это первый раз за всю вашу карьеру, что вам придется играть какую то роль, — продолжал директор.

Северин Браун толкнул одного из товарищей под ребро и тот не выдержав захохотал. Этот смѣх был сразу же подхвачен остальными и через какую-нибудь минуту весь зал дрожал от гулкого хохота.

Итак они должны стать актерами, они, которые жили одной идеей служения родинѣ; они, которые сыграли достаточно большую роль во всегерманском національном спектаклѣ! Они будут актерами — они — чернорубашечники, имѣвшие в своем репертуарѣ достаточно монологов, вродѣ:

— Хэйль Гитлер!.. Долой евреев!..
Один фюрер, один Рейх!

В первый раз!.. Ха-ха-ха-ха!

Тут было над чѣм посмѣяться.

— Ну, хорошо, молодцы! — сказал Грюдгенс. — Сейчас я скажу вам, что вы должны дѣлать.

Через час когда репетиція закончилась директор снова собрал их вмѣстѣ и заявил:

— Я полагаю, что было бы очень мило, если бы кто нибудь из вас молодцы от-

нес цвѣты фрау Геринг ввидѣ благодарности за эту работу.

— Отнести цвѣты? — переспросил один из чернорубашечников.

— А почему бы нѣтъ? — отвѣтил вопросом Грюдгенс. — Она сегодня дома и вмѣстѣ с генералом принимает гостей. Она очень милая дама, прекрасная актриса. Я знал ее еще когда она была генеральской!..

Тут директор спохватился и перевел дыхание поправился:

— Когда она была еще Эмми Зоннеман.

Чернорубашечники стали вопросительно смотрѣть друг на друга. Никому не хотѣлось идти.

— Ну, ну! — сказал один из них. — В концѣ концов надо же кому нибудь отправиться. Кто пойдет?

— Ганс, конечно, — отозвался другой. — Ганс самый бѣлокурый.

— Только не я! — вспыхнул Ганс. — У меня прыщ на лбу.

— Тогда иди ты, Вальтер!

— Никак не могу. Я сегодня дежурю в канцлерствѣ.

Нѣкоторое время чернорубашечники еще торговались кому идти, пока чей то взгляд не упал на Северина Брауна.

— Ты! — воскликнул Ганс. — Ты новичек в отрядѣ. Ты и иди.

Идти на квартиру Геринга!

Северин Браун неожиданно почувствовал нечто вроде нервного шока. А если там будет Гитлер, один, совершенно безоружный и без всякой охраны.

— Это так просто, — настаивал Ганс. — Кроме того, тебя могут пригласить присоединиться к гостям.

— Да, — кивнул головой Вальтер. — Ты можешь понравиться им. В тебе есть какое-то сходство с фюрером.

— Рѣшено. Он пойдет!

— Отправляйся Северин!

Так Северин Браун отправился на квартиру генерала Геринга.

Он купил восемь белых лилий в магазине на Потсдамской площади, быстро перебежал Лейпцигскую площадь и остановился перед импозантным, трехэтажным домом, в котором жил генерал.

Он прошел мимо ухмыляющегося охранника у ворот и был проведен внутрь дома другим человеком, также в форме.

У самого входа в дом охранник обратился к нему:

— Ваш нож и револьвер!

Нахмурившись Браун отдал оружие. Потом сняв шапку, бросил ее на скамью и остался на некоторое время один со своими взбудораженными мыслями пока горничная отправилась докладывать о нем хозяевам.

Без оружия он чувствовал себя теперь точно голым. Кроме того, у него возникла мысль о какой-то ловушке. И тут же мучила другая мысль о том, не могут ли ему еще раз пригодиться его руки... нѣтъ, убивать руками, это слишком долгая история!

— Пожалуйста!

Рѣзкий голос горничной вывел его из задумчивости.

— Спасибо!

Он пошел за ней через длинный зал. Его тяжелые сапоги гулко стучали по высокому паркету.

Горничная остановилась и недовольно поглядѣла на него.

— Тише! Вы здѣсь не на парадѣ!

Он слабо улыбнулся и стал ступать осторожно.

Тут до его ушей донесся нѣжный звук музыки, той музыки, которую можно слышать в уютных домах за чаем. Играл струнный квартет. Немного позже он разслышал и голоса гостей.

Он стоял под аркой, которая вела в большую гостиную и чувствовал себя невыразимо плохо.

Глаза его оказались неожиданно прикованными к огромной картинѣ, висѣвшей над камином во всей своей сверкающей красоте.

Он сразу же узнал бессмертное по-

отно Рубенса — "Охота Дианы".

Он видел эту картину еще давно в Берлине. Тогда она висела в музее кайзера Фридриха и принадлежала народу. Каким образом она попала теперь в квартиру Геринга? Было весьма поучительно узнать, что жадность генерала простирается и на предметы искусства.

Комната была полна мужчин и женщин. Здесь собралась обычная группа людей, подтверждавшая разговоры о хваленой демократии Геринга.

Сам генерал, великодушный в своей кожанной форме коричневого цвета, развалился в кресле.

Фрау Геринг, одетая с претензией на какой-то стиль, выглядела еще толще, чем на фотографиях.

Тут же был фон Риббентроп, похожий на Мефистофеля; Риббентроп, державший в руке бокал с шампанским... Фрау Гебельс — одна без своего карликоватого мужа... ассортимент чернорубашечников... пара чиновников и несколько незамужних Эльз — еще ожидающих своих Лоэнгринов.

Фрау Геринг сразу же заметила вошедшего.

Она подошла к двери улыбаясь.

Браун почувствовал, что стебли лилий в его руках становятся горячими и потными. Он щелкнул каблуками и поклонился.

— Честь имею приветствовать вас сударыня, — сказал он краснѣя. — Мои товарищи послали меня передать вам, что они счастливы и горды тѣм, что им выпало на долю играть в государственном театре.

Фрау Геринг захлопала своими пухлыми руками.

— Слушайте, слушайте все! — воскликнула она. — Вот мой коллега! Он играет на моей старой сцене. О как я тоскую по ней, несмотря на свое счастье!

— Эта сцена без вас, фрау Геринг, уже никогда не будет такой, какой она была прежде.

— Умный мальчик! — сказала она смѣясь.

— Вот цветы фрау Геринг.

— Ах да... цветы... конечно... Я поставлю их... подождите...

Она оглядѣлась через плечо, как бы обыскивая комнату глазами.

— Вот, — сказала она слегка касаясь его руки. — Туда! Отнесите цветы ему.

Браун быстро оглядел группу мужчин стоявших у камина. Он чувствовал себя невыразимо глупо.

Итак он явился сюда не для того, что бы выполнить свою миссию, не для того чтобы освободить свою страну от безумного убийцы, а для того только, чтобы отдать цветы этой толстой женщине.

— Простите, — сказал он. — Которому из этих господ должен я передать цветы?

— Не сюда, — воскликнула она нетерпеливо. — Вон туда, в угол! Фюреру!

— Фюрер!

Северин Браун почувствовал, что теряет всякое душевное равновесие.

Цветы теперь оттягивали его руки как щипы.

— Пойдите к нему, — продолжала фрау Геринг. — Отдайте цветы ему.

Безпомощно оглянувшись на нее, он весь в поту прошел через комнату: ему чудилось, что пол проваливается у него под ногами.

Там в углу сидел Гитлер.

Он был один, его голова была низко опущена, он был в задумчивости.

Около него не было ни одного телохранителя. Но большая комната была полна народу и все наблюдали за ним, за Брауном.

И тут же — о, Боже! — тут же у кресла фюрера стояла маленькая девочка, безстрашно смотрящая в замерзшие глаза.

Говорили, что Гитлера любят дети... Возможно... дети любят все примитивное.

Иначе почему бы эта девочка стояла так близко к Гитлеру. Почему бы она карабкалась к нему на колени.

Но этот ребенок не может остановить

Брауна. Что значит один ребенок, когда тысячи других детей видели во время путча своих отцов плавающими в крови.

И вдруг Северин Браун услышал свой собственный голос:

— Хэйль Гитлер!

— Хэйль Гитлер, — ответил фюрер.

— Фюрер!.. эти цветы...

Гитлер взял цветы крепко сжимая их стебли. Потом с коротким, отрывистым поклоном передал их фрау Геринг.

— Самой арийской матери в великой Германии, — сказал он.

— Зигхэйль! — прошептали гости.

Гитлер взял несколько лилий и всунул их в маленькую детскую ручку:

— А это будущей матери Рейха!

Будущей матери.

Крошечный ребенок уже заранее предназначался к тому, чтобы родить штурмовиков.

— Благодарю вас! — вкливно сказала девочка. — Хэйль Гитлер!

Потом подняв на него ясные глазки добавила:

— Дядя Гитлер! Что вы говорите, когда благодарите когонибудь: "Хэйль Я" или "Хэйль Ми"?

Фюрер отвернулся, а Геринг подошел к девочке и взял ее за руку.

— Я думаю Хельга — сказал он, —

что тебѣ пора отправляться к гувернанткѣ.

Северин Браун вышел из затемненнаго угла в котором стоял.

Черная рубашка облегла его тѣло, как пластырь. Его рот был горяч и сух. Быстрым шагом покинул он гостинную фрау Геринг. Он шел по улицѣ быстро, все ускоряя шаг. Он бѣжал в казармы разрываемый преслѣдуемый тысячью мук.

Два дня Северин Браун оставался наединѣ сам с собой, погруженный в свои переживанія. Он казался больным и его оставили в покоѣ.

Он чувствовал, что наступил крах. Он понимал это прекрасно, благодаря своим знаніям.

Он когда то мечтал спасти мир от безумнаго тирана — и теперь он сам превращался в безумца и всѣ смѣялись над ним — дни, часы, стѣны, небо. Небо и ад.

Всѣ хохотали над его бесплодной попыткой.

Особенно рѣзко он слышал этот смѣх по ночам. В его ушах отдавались тысячи голосов, громких и тихих, громовых и шипящих.

— Так ты думаешь, что я схожу с ума? — крикнул он однажды лунѣ глядѣвшей в окно.

— Сумасшедшій! Какое ужасное слово!

Нѣтъ, нѣтъ только не это!

— Смѣйтесь же надо мной! — крикнул он в бѣшенствѣ. — Смѣйтесь! Я могу потерпѣть неудачу, но знаю, что только такіе люди как я способны повести мир к свободѣ. Нѣтъ! Я не проиграю! Я убью Гитлера!

Неужели он сказал это слишком громко.

Его конечно услышали. А если не услышали, то могли просто прочесть его мысли.

Он снова улегся в свою одинокую постель, зарывшись головой в руки, но заснуть ему скоро не удалось. Он долго ворочался, стонал, колотил себя по головѣ кулаками.

Наконец забылся.

Через три дня в казармы явился Химмлер, глава Гестапо и Северин Браун был вызван к нему в кабинет.

— Северин Браун! — торжественно сказал Химмлер. — Фюрер вызывает вас!

— Меня? — переспросил Браун. — Я...

— Никаких вопросов. Десять минут на сборы. Ровно десять минут!

Итак его в концѣ концов разыскали.

Браун медленно поднялся по знаковой лѣстницѣ... его сердце колотилось как барабан.

Зачѣм торопиться на смерть?

Фюрер вызывает его. Фюрер конечно несравненно умнее его. Он прочел тайну в его глазах, тогда в дом Геринга.

Фюрер подслушал его мысли принимая звѣты и разговаривая с дѣвочкой.

Иначе зачѣм было посылать Химмлера за ним, Брауном Химмлера, самое имя котораго вызывает представление о траурной карточкѣ?

Десять минут! Как онѣ быстро отмерли.

Опять Мерселес, на этот раз закрытый.

Как мягки и покойны эти огромныя машины, часто везущія на смерть, какія в них удобныя подушки, на которыя хочется облокотиться усталой спиной.

Через нѣкоторое время, — Браун не знал были ли то минуты, или часы, — автомобиль остановился на Фостштрассе перед домом Гитлера. Не домом, а памятником гитлеровской мощи. Мрамор, гранит, сталь... кровь, смерть, отчаяніе...

Двое ординарцев, ѣхавших с ними, остались в машинѣ.

В дом вошли только Химмлер и Северин Браун. Оба молчали.

Десять ступеней. Массивная дверь. Еще нѣсколько ступеней, ведущих к другой двери.

Прошли через увѣшанный коврами

зал, пол котораго был сдѣлан из мрамара, выкопаннаго в германской землѣ.

Прошли через другой зал, который казался безконечным, его стѣны гулко отдавали эхом шаги двух мужчин.

Подошли наконец к послѣдней роковой двери с бронзовым орлом, держащим в когтях щит на котором вмѣсто герба стоят просто инициалы: А. Г.

У этой двери стояли на часах чернорубашечники.

Браун знал их, но не посмѣл им улыбнуться в присутствіи Химмлера.

Огромная дверь широко открылась перед ними.

— Дверь в Вѣчность! — подумал Северин Браун.

В комнату вошел только один он. Химмлер остался позади за захлопнутой дверью.

Итак они наконец то наединѣ.

Наединѣ. Но эти стѣны должны имѣть сотню глаз, тысячу ушей...

Голова Гитлера была склонена над огромным письменным столом. Он царапал что-то пером на бумагѣ. Выцарапывал вѣроятно какіе то новые законы для еще большаго удушенія Рейха.

Наконец фюрер поднял глаза от бумаги. Его глаза были сини как сапфиры.

— Северин Браун вам выпадает боль-

шая честь!

— Честь? С каких пор смерть стала честью?

— Хэйль Гитлер! — произнес Браун думая сам в то же время:

— Что это еще за фарс?

— Хэйль Гитлер! — отвѣтил Гитлер.

Затѣм немного помолчав, продолжал торжественно:

— Северин Браун. Готовы ли вы отдать свою жизнь взамен моей?

— Да, фюрер!

До сегодняшнего дня он так дорожил этой жизнью. Она была нужна ему.

— Вы мне нравитесь. Мне нравится ваша преданность долгу. Вы можете хорошо послужить мне. Вам предстоит иметь дѣло с толпой, рисковать вместо меня.

— Великій Боже! И так его избрали двойником Гитлера. Он должен разыгрывать роль этого тирана, думать его мыслями, носить его одежду. Находиться вблизи его, жить его жизнью. И в концѣ концов вѣроят-но погибнуть вместо него.

Фюрер встал с мѣста, в его голосѣ уже раздавались знакомые раскаты:

— Это нужно для сохранения моей жизни. Я научу вас, что говорить вместо Гитлера. Я — Фюрер. Я — Германия. Мы топчем тѣх, кто становится поперек нашей дороги. Они боятся нас!

— Проклятіе! — Гдѣ он слышал уже однажды этот голос? Он его конечно слышал раньше... Ах да, в тот день в Штейнгофф!

Остановись, безумный, остановись!

Но голос продолжал завывая все больше:

— Германіи не нужно Бога. Ей не нужно Христа. Ей ненужно папы. В Германіи нѣтъ мѣста для Бога. И для евреев также. И для еврейских женщин.

— Остановись Гитлер! — кричало все существо Северина Брауна.

Он ощупал свой пояс, но ножа там не было. Револьвер также отсутствовал.

Глаза Брауна оглядѣли письменный стол. Ничего... чѣм можно было бы ударить, развѣ вот... бюст Гинденбурга.

Солидный бюст из тяжелой бронзы.

Замученный человек, бывший нѣкогда доктором Карлом Моллером схватил этот тяжелый бюст руками.

Бюст взмахнулся в воздухѣ. Опустился. Ударил.

— Гинденбург создал тебя. Гинденбург приканчивает.

Кровь брызнула на руки Северина Брауна. Кровь забрызгала книгу "Моя борьба".

Фюрер тяжело рухнул на коричневый мраморный пол к ногам Северина Брауна, дыхание котораго выходило тяжело, как дым из

сломанной трубки.

Пусть они придут теперь и полюбуются на своего лидера, лежащего в крови. Пусть скажут ему — Хэйль.

Браун упал на колѣни и долго глядѣл на лицо мертвого фюрера.

Но вот кто то входит... шаги звенят по мрамору пола.

Браун поднимает голову и видит перед собой лицо Францеля. Итак, Францель был здѣсь, смѣлый вѣрный Францель, котораго он видѣл так давно. Францель — его друг.

Вдвоем они смогут сорвать одежду с фюрера, разбить ему лицо, и Северин Браун снова займет в жизни чужое мѣсто.

Францель поможет. Достаточно ему Брауну поднять глаза и сказать:

— Эрих!

Но отвѣта не было.

В этих преданных, молодых глазах было только горе и жалость.

И снова Северин Браун почувствовал, что он перешагивает через труп.

Никакой Францель тут не мог ему помочь. И никто вообще в мирѣ.

Но в душѣ Брауна было сладкое ощущение выполненной задачи.

Он совершил то, что задумал.

Он поднялся и снова взглянул в глаза Францеля.

Но на этот раз Францель был далеко

на другом концѣ комнаты. Он стоял в дверях.

Сердце Брауна сильно забилося.

— Эрих! Эрих! ради всего святого!

Рука Францеля взлетѣла высоко вверх. Вся его фигура на фонѣ открытой двери казалась страшной и злобщей.

Северин Браун закрыл глаза, но не мог закрыть ушей своего разсудка, своего сердца.

Он услышал голос Францеля.

— Хэйль Гитлер!

— oOo —